

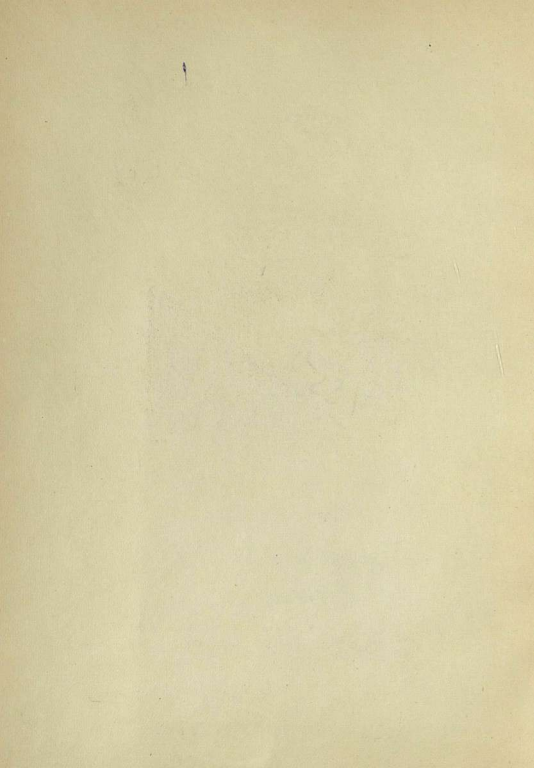
П-16

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

РАССКАЗЫ

ДЕТГИЗ · 1947

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

РАССКАЗЫ

и л л ю с т р а ц и и

А. Е р м о л а е в а

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

9

~~4695~~

~~58485~~

694448 ил. пер

Российская государственная
детская библиотека

НА ЯЛИКЕ

Большая широкобóкая лóдка подходила к нашему бéргу. Наб́итая дооткáза, сидéла она́ б́чень н́зко в водé, шла мéдленно, одолевáя течéние, и б́ло в́дно, как т́го и т́дно погружáются в вóду вёсла и с каќм облегч́нием выскáльзывают он́ из неё, сверкáя на сóлнце и рассыпáя вокр́г себя́ т́сячи и т́сячи брызг.

Я сидёл на большóм тёплом и шершáвом кáмне у сáмой воды́, и мне б́ло так хорошó, что не хотéлось ни дв́гаться, ни огл́дываться, и я дáже рад был, что лóдка ещё далекó и что, знáчит, мóжно ещё нёсколько мин́ут посидéть и под́мать... О чём? Да ни о чём осóбенном, а тóлько

о том, как хорошó сидеть, какое милое нéбо над голо-
вóй, как чудéсно пáхнет водóй, раку́шками, смолёным дé-
ревом...

Я ужé давно́ не был за гóродом, и всё меня́ сейча́с по-настоя́щему ра́довало: и ча́хлый одува́нчик, притайвший-
ся под пы́льным зóнтиком лопухá, и лёгкий, чуть слы́шный
плеск нёвской волн́ы, и бéлая ба́бочка, то и дéло мелька́в-
шая то тут, то там в я́сном и прозра́чном во́здухе. И ра́зве
мо́жно бы́ло в э́ту мину́ту повер́ить, что идёт война́, что
фронт совсё́м ря́дом, что он тут вот, за э́тими кры́шами
и тру́бами, отку́да изо дня в день летя́т в наш осаждённый
гóрод неме́цкие бомбарди́ровщики и дальнóбойные бриза́нт-
ные¹ сна́ряды! Нет, я не хоте́л думáть об э́том, да и не мог
думáть, так хорошó мне бы́ло в э́тот со́лнечный ию́ньский
день.

* * *

А на ма́ленькой приста́нъке, куда́ должна́ была́ причá-
лить лóдка, ужé набýлся наро́д. Я́лик подход́ил к бе́регу,
и что́бы не потеря́ть о́череди, я то́же прошёл на приста́нь
и смешáлся с толпо́й ожида́ющих. Э́то бы́ли всё жéнщины,
всё бо́льше пожилые рабо́тницы.

Не́которые из них ужé переклика́лись и перегова́рива-
лись с те́ми, кто сидéл в лóдке. Там то́же бы́ли почт́и одни́
жéнщины, а из на́шего бра́та то́лько нёсколько команд́иров,

¹ Бриза́нтные — разрывные, рву́щиеся в во́здухе.

один военный моряк да сам перевозчик, человек в неуклюжем брезентовом плаще с капюшоном¹. Я видел пока только его спину и руки в широких рукавах, которые ловко, хотя и с напряжением, работали веслами. Лодку относило течением, но всё-таки с каждым взмахом весел она всё ближе и ближе подходила к берегу.

— Матвёй Капитоныч, поторопись! — закричал кто-то из ожидающих.

Гребёц ничего не ответил. Подводя лодку к мосткам, он чуть-чуть повернул голову, и тут я увидел его лицо. Это был мальчик лет одиннадцати-двенадцати, а может быть, и моложе. Лицо у него было худенькое, серьёзное, строгое, тёмное от загара, только бровки были смешные, детские, совершенно выцветшие, белые, да из-под широкого козырька огромной боцманской фуражки с якорем на околыше падали на запотевший лоб такие же белокрысые, соломенные, давно не стриженные волосы.

По тому, как тепло и дружно приветствовали его у нас на пристани женщины, было видно, что мальчик не случайно и не в первый раз сидит на веслах.

— Капитану привёт! — зашумели женщины.

— Мотенька, давай, давай сюда! Заждались мы тебя!

— Мотенька, поспеши, опаздываем!

— Матвёй Капитоныч, здравствуй!..

¹ С капюшоном (капюшон) — с откидным головным убором, пришитым к вороту одежды.

— Отойди, не мешай, бабы! — вместо ответа закричал он каким-то хриплым, простуженным баском, и в эту минуту лодка ударилась о стенку причала, качнулась и заскрипела.

Мальчик зацепил веслом за кромку мостков, кто-то из военных прыгнул на пристань и помог ему причалить лодку.

Началась выгрузка пассажиров и посадка новых.

Маленький перевозчик выглядел очень усталым, с лица его катил пот, но он очень спокойно, без всякого раздражения, сурово и повелительно распоряжался посадкой.

— Эй, тетка! — покрикивал он. — Вон ты, с противоголом которая. Садись с левого борта. А ты, с котелком, — туда... Тихо. Осторожно. Без паники. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

Он сосчитал, сбился и ещё раз пересчитал, сколько людей в лодке.

— Довольно. Хватит. За остальными после приеду.

Оттолкнувшись веслом от пристани, он подобрал свой брезентовый балахон¹, уселся и стал собирать двугривенные за перевоз.

Я, помню, дал ему рубль и сказал, что сдачи не надо. Он шмыгнув носом, усмехнулся, отсчитал восемь гривен, подал их мне вместе с квитанцией и сказал:

¹ Балахон — широкая, длинная одежда.

— Если у вас лишние, так положите их лучше в сберка́ссу.

Потом пересчитал собранные деньги, вытащил из кармана большой старомодный кожаный кошёлёк, высыпал туда монеты, защёлкнул кошёлёк, спрятал его в карман, уселся поудобнее, поплевал на руки и взялся за вёсла.

Большая, тяжёлая лодка, сорвавшись с места, легко и свободно пошла вниз по течению.

* * *

И вот, не успели мы как следует разместиться на своих скамейках, не успел наш ялик отойти и на сотню метров от берега, случилось то, чего, казалось бы, уж никак нельзя было ожидать в этот солнечный, безмятежно спокойный летний день.

Я сидел на корме. Передо мной лежала река, а за нею — Каменный остров, над которым всё выше и выше поднималось утреннее солнце. Густая зелёная грива висела над низким, отлогим берегом. Сквозь яркую и свежую листву виднелись отсюда какие-то домики, какая-то беседка с белыми круглыми колоннами, а за ними... Но нет, там ничего не было и не могло быть. Мирная жизнь спокойно, как река, текла на этой цветущей земле. Лёгкий дымок клубился над пёстрыми дачными домиками. Чешуйчатые рыбацьи сети сушились, растянутые на берегу. Белая чайка летала. И было очень тихо. И в лодке у нас тоже поче-

му-то стало тише, только вёсла мерно стучали в уключинах¹ да за бортом так же мерно и неторопливо плескалась вода.

И вдруг в эту счастливую, безмятежную тишину ворвался издалека звук, похожий на отдалённый гром. Лёгким гулом он прошёл по реке. И тотчас же в каждом из нас что-то ёкнуло и привычно насторожилось. А какая-то женщина, правда не очень испуганно и не очень громко, вскрикнула и сказала:

— Ой, что это, бабоньки?

В эту минуту второй, более сильный удар размашистым отзвуком прокатился по реке. Все посмотрели на мальчика, который, кажется единственный в лодке, не обратил никакого внимания на этот подозрительный грохот и продолжал спокойно грести.

— Мотенька, что это? — спросили у него.

— Ну, что! — сказал он, не поворачивая головы. — Ничего особенного. Зенитки.

Голос у него был какой-то скучный и даже грустный, и я невольно посмотрел на него. Сейчас он показался мне почему-то ещё моложе, в нём было что-то совсем детское, младенческое: уши под большим картузом смешно оттопыривались в стороны, на загорелых щеках проступал лёгкий белый пушок, из-под широкого и жёсткого, как хомут, капюшона торчала тонкая, цыплячья шейка.

¹ В уключинах (уключина) — в местах, куда вкладываются вёсла.

А в чистом, безоблачном небе уже бушевала гроза. Теперь уже и мне было ясно, что где-то на подступах, на фортах, а может быть, и ближе работают наши зенитные установки. Как видно, вражеским самолётам удалось пробиться сквозь первую линию огня, и теперь они уже летели к городу. Канонада усиливалась, приближалась. Все новые и новые батареи вступали в дело, и скоро отдельные залпы стали неразличимы — обгоняя друг друга, они сливались в один сплошной гул.

— Летит! Летит! Поглядите-ка! — закричали вдруг у нас в лодке.

Я посмотрел и ничего не увидел. Только мягкие, пушистые дымчатые клубочки таяли то тут, то там в ясном и высоком небе. Но сквозь гром зенитного огня я слышал знакомый прерывистый рокот немецкого мотора.

Гребёц наш тоже мельком, искоса посмотрел на небо.

— Ага. Разведчик, — сказал он пренебрежительно.

И я даже улыбнулся, как это он быстро нашёл самолёт и с какой точностью определил, что самолёт этот не какой-нибудь, а именно разведчик. Я хотел было попросить его показать мне, где он увидел этот разведчик, но тут будто огромной кувалдой¹ ударило меня по барабанным перепонкам, я невольно зажмурился, услышал, как закричали женщины, и изо всех сил вцепился в холодный, влажный борт лодки, чтобы не полететь в воду.

¹ Кувалдой (кувалда) — тяжёлым молотом.

Это открыли огонь зенитные батареи на Каменном острове. Думалось, что дальше некуда: и так уже земля и небо дрожали от этого грома и грохота, а тут вдруг оказалось, что всё это были пустяки, что до сих пор было даже очень тихо и что только теперь-то и началась настоящая музыка воздушного боя.

Ничего не скажу — было страшно. Особенно, когда в воду и спереди и сзади, и справа и слева от лодки начали падать осколки.

Мне приходилось уже не раз бывать под обстрелом, но всегда это случалось со мной на земле, на суше. Там, если рядом и упадёт осколок, его не видно. А тут, падая с шипением в воду, эти осколки поднимали за собой целые столбы воды. Это было красиво, похоже на то, как играют дельфины в тёплых морях, но — если бы это действительно были дельфины!..

Женщины в нашей лодке уже не кричали. Перепуганные, они сбились в кучу, съежились, пригнули как можно ниже головы. А многие из них даже легли на дно лодки и защищали себя руками, как будто можно рукой уберечь себя от тяжёлого и раскалённого куска металла. Но ведь известно, что в такие минуты человек не умеет рассуждать. Признаться, мне тоже хотелось нагнуться, зажмуриться, спрятать голову.

Но я не мог сделать этого.

Передо мной сидел мальчик. Ни на один миг он не

оста́вил вёсел. Так же уве́ренно и легко́ вёл он своё ма́ленькое су́дно, и на лице́ его́ я не мог проче́сть ни стра́ха, ни волне́ния. Он то́лько посма́тривал и́зредка то напра́во, то нале́во, то на не́бо, пото́м переводи́л взгляд на своих пассажи́ров — и усмеха́лся. Да, усмеха́лся. Мне да́же сты́дно ста́ло, я да́же покрасне́л, когда́ уви́дел э́ту улы́бку на его́ губа́х.

«Неужели он не бо́ится? — подумал я. — Неужели ему́ не стра́шно? Неужто не хо́чется ему́ бро́сить вёсла, за́жму́риться, спрятаться под скаме́йку?.. А впро́чем, он ещё ма́ленький, — подумалось мне. — Он ещё не понима́ет, что такое смерть, по́тому, небо́сь, и улыба́ется так споко́йно».

Канона́да ещё не ко́нчилась, когда́ мы приста́ли к бе́регу. Не ну́жно бы́ло никогó подгоня́ть. Че́рез полминуты ло́дка была́ уже́ пустая. Под дожде́м оско́лков, совсе́м как э́то быва́ет под настоя́щим проливны́м дожде́м, же́нщины бежа́ли на бе́рег и прята́лись под густы́ми ша́пками призе́мистых дубко́в и столе́тних лип.

Я вы́шел из ло́дки послед́ним. Ма́льчик вози́лся у прича́ла, затягивая како́й-то сло́жный морско́й у́зел.

— Послу́шай! — сказа́л я ему́. — Чего́ ты копа́ешься тут? Ведь, посмотри́, оско́лки летя́т...

— Чего́? — переспроси́л он, подня́в на секунду́ го́лову и посмотре́в на меня́ не о́чень любе́зно.

— Я говорю́: хра́брый ты, как я погляжу́. Ведь стра́шно все́-таки. Неужели ты не бо́ишься?

В это время тяжёлый осколок с тупым звоном ударился о самую кромку мостков.

— А ну проходите! — закричал на меня мальчик. — Нечего тут...

— Ишь ты какой! — сказал я с усмешкой и зашагал к берегу.

Я был обижен и решил, что не стоит и думать об этом глупом мальчишке.

Но, выйдя на дорогу, я всё-таки не выдержал и оглянулся. Мальчика на пристани уже не было. Я искал его глазами. Он стоял на берегу, под навесом какого-то склада или сарая. Вёсла свои он тоже притащил сюда и поставил рядом.

«Ага! — подумал я с некоторым злорадством. — Всё-таки, значит, немножко побаиваешься, голубчик!..»

Но, по правде сказать, мне всё ещё было немножко стыдно, что маленький мальчик оказался храбрее меня. Может быть, поэтому я не стал прятаться под деревьями, а сразу свернул на боковую дорожку и отправился разыскивать N-скую зенитную батарею.

* * *

Дела, которые привели меня на Каменный остров, к зенитчикам, отняли у меня часа полтора-два. Обратно в город меня обещали «подкинуть» на штабной машине, прибытия которой ожидали с минуты на минуту.

В ожидании машины, от нечего делать, я беседовал с командиром батареи о всякой всячине и между прочим рассказывал о том, как сложно я к ним добирался, и о том, как наш ялик попал под осколочный дождь.

Командир батареи, пожилой застенчивый лейтенант из запасных, почему-то вдруг очень смутился и даже покраснел.

— Да, да... — сказал он, вытирая платком лицо. — К сожалению, наши снаряды летают не только вверх, но и вниз. Но что же поделаешь! Это как раз те щепки, которые летят, когда лес рубят. Но всё-таки неприятно. Очень неприятно. Ведь бывают жертвы, свои люди гибнут. Вот как раз недели три тому назад тут перевозчика осколком убило.

Я, помню, даже вздрогнул, когда услышал это.

— Как перевозчика? — сказал я. — Где? Какого?

— Да вот тут как раз, на Неве, где вы переезжали. Хороший человек был. Сброк два года работал на перевозе. И отец у него, говорят, тоже на яликах работал. И дед.

— А сейчас там какой-то мальчик, — сказал я.

— Ха! — улыбнулся лейтенант. — Ну как же! Мотя! Матвей Капитоныч! «Адмирал Нахимов» мы его зовём. Это сынишка того перевозчика, который погиб.

— Как! — сказал я. — Того самого, который от осколка...

— Ну да. Именно. Того Капитон звали, а этого — Мат-

вѣй Капитонович. Тѣ же матросъ бывалый¹. Летъ ему — не сосчитать какъ мало, а работаетъ — сами видѣли: получше, чемъ другой взрослый. И притомъ, что бы ни было, всегда на посту: и днёмъ и ночью, и в дождь и в бурю...

— И под оскѣлками, — сказалъ я.

— Да, и под оскѣлками. Этого ужъ тутъ не избежишь! Оскѣлочные дожди выпадаютъ у насъ, пожалуй, почаще, чемъ обычные..

Лейтенантъ мнѣ ещё что-то говорилъ, что-то рассказывалъ, но я плохо слушалъ его. Почему-то мнѣ вдругъ страшно захотѣлось ещё разъ увидѣть Мотю.

— Послушайте, товарищъ лейтенантъ, — сказалъ я поднимаясь. — Знаете, что-то ваша машина застряла. А у меня времени в обрѣзъ. Я, пожалуй, пойду.

— А какъ же вы? — удивился лейтенантъ.

— Ну что жъ, — сказалъ я, — придется опять на яликѣ.

* * *

Когда я пришёлъ къ перевозу, яликъ ещё только-только отваливалъ отъ противоположнаго берега. Опять онъ былъ переполненъ пассажирами, и опять низкіе бортики его еле-еле выглядывали изъ воды, но такъ же легко, спокойно и увѣренно работали вёсла и вели его наискось по теченію, поблѣскивая на солнцѣ и оставляя въ воздухѣ свѣтлую

¹ Бывалый — много видевший, испытанный.

радужную пыль. А солнце стояло уже высоко, припекало, и было очень тихо, даже как-то особенно тихо, как всегда бывает летом после хорошего проливного дождя.

На пристани ещё никого не было, я сидел один на скамеечке, поглядывал на воду и на приближающуюся лодку, и на этот раз мне уже не хотелось, чтобы она шла подольше, — наоборот, я ждал её с нетерпением. А лодка как будто чуяла это моё желание, шла очень быстро, и скоро в толпе пассажиров я уже мог разглядеть белый парусиновый балахон и боцманскую фуражку гребца.

«И днём и ночью, и в дождь и в бурю», вспомнил я слова лейтенанта.

И вдруг я очень живо и очень ясно представил себе, как здесь вот, на этом самом месте, в такой же, наверно, хороший солнечный денёк, на этой же самой лодке, с этими же веслами в руках погиб на своём рабочем посту отец этого мальчика. Я отчётливо представил во всех подробностях, как это случилось. Как привезли старого перевозчика к берегу, как выбежали навстречу его жена и дети — и вот этот мальчик тоже, и какое это было горе, и как страшно стало, как потемнело у мальчика в глазах, когда какая-то чужая старуха всхлипнула, перекрестилась и сказала:

— Царство небесное. Помер...

И вот не прошло и месяца, а этот мальчик сидит на этой лодке и работает теми же веслами, которые выпали тогда из рук его отца.

«Как же он может? — подумал я. — Как может этот мальчик держать в руках эти страшные вёсла? Как может он спокойно сидеть на скамейке, на которой ещё, небось, не высохла кровь его отца? Ведь, казалось бы, он на всю жизнь должен был проникнуться смертельным ужасом и к этой заклятой работе, и к этой лодке, и к вёслам, и к чёрной нёвской воде. Даже отдалённый орудийный выстрел должен был пугать его и холодить жестокой тоской его маленькое сердце. А ведь он улыбался. Вы подумайте только — он улыбался давеча, когда земля и небо дрожали от залпов зенитных орудий!..»

Но тут мои размышления были прерваны. Весёлый женский голос звонко и раскатисто, на всю реку, прокричал за моей спиной:

— Матвей Капитоныч, поторопись!..

Пока я сидел и раздумывал, на пристани уже скопилась порядочная толпа ожидающих. Опять тут было очень много женщин-работниц, было несколько военных и две или три девушки-дружинницы.

Лодка уже подходила к мосткам. Повторилось то же, что было давеча на том берегу. Ялик ударился о стенку причала, закачался и заскрипел. Женщины и на берегу и в лодке зашумели, началась посадка, и мальчик, стоя в лодке и придерживаясь веслом за борт мостков, не повышая голоса, серьёзно и деловито командовал своими пассажирами. Мне показалось, что за эти два часа он ещё больше осунулся и похудел, тёмное от загара и от усталости лицо

его блестяло, он тяжело дышал. Балахон свой он расстегнул, распахнул ворот рубашки, и оттуда выглядывала светлая полоска незагорелой кожи.

Когда я входил в лодку, он посмотрел на меня, улыбнулся, показав на секунду маленькие белые зубы, и сказал:

— Что? Уж обратно?

— Да. Обратно, — ответил я и почему-то очень обрадовался — и тому, что он меня узнал, и тому, что заговорил со мной и даже улыбнулся мне.

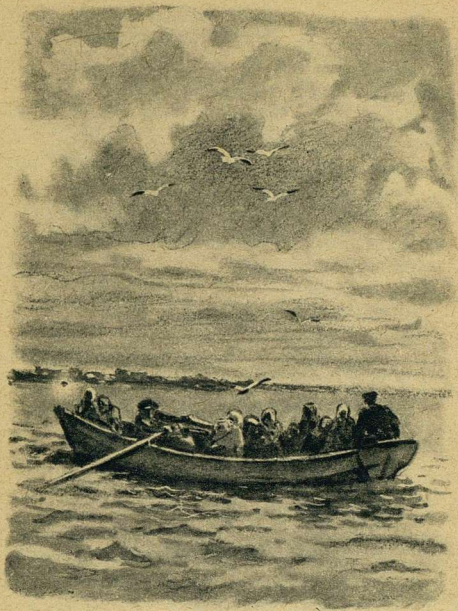
Усаживаясь, я постарался занять место поближе к нему. Это удалось мне. Правда, пришлось кого-то не очень вежливо оттолкнуть, но когда мальчик сел на своё капитанское место, оказалось, что мы сидим лицом к лицу.

Выполнив обязанности кассира, собрав двугривенные, пересчитав их и спрятав, Мотя взялся за вёсла.

— Только не шуметь, бабы! — строго прикрикнул он на своих пассажиров.

Те слегка притихли, а мальчик уселся поудобнее, поплевал на руки, и вёсла размеренно зашкрипели в уключинах, и вода так же размеренно заплескалась за бортом.

Мне очень хотелось заговорить с мальчиком. Но, сам не зная почему, я немножко робел и не находил, с чего начать разговор. Улыбаясь, я смотрел на его серьёзное, сосредоточенное лицо и на смешные детские бровки, на которых поблёскивали редкие светлые волосики. Внезапно он взглянул на меня, поймал мою улыбку и сказал:

— Вы чего смее́тесь?

— Я не смею́сь, — сказа́л я небольшо́же да́же испуганно. — С чего́ ты взял, что я смею́сь? Просто́ я люблю́сь, как ты ло́вко рабо́таешь.

— Как э́то ло́вко? Обыкновенно́ рабо́таю.

— Ох! — сказа́л я, покача́в голово́й. — А ты, адмира́л Нахи́мов, я погляжу́, дядя́ сердитый...

Он о́пять, но на э́тот раз, как мне показа́лось, с не́которым любопы́тством взгляну́л на меня́ и сказа́л:

— А вы отку́да зна́ете, что я — адмира́л Нахи́мов?

— Ну, ма́ло ли! Слу́хом земля́ по́лнится.

— Что, на бата́реях бы́ли?

— Да, на бата́реях.

— А, тогда́ понятно́.

— Что тебе́ понятно́?

Он помолча́л, как бы разду́мывая, сто́ит ли вообще́ мно́го разгово́ривать со мной, и наконец отве́тил:

Команди́ры меня́ так дра́знят: адмира́лом. Я ведь их тут всех обслу́живаю: и зени́тников, и ле́тчиков, и моря́ков, и из го́спиталей кото́рые...

— Да, брат, рабо́тки у тебя́, как ви́дно, хвата́ет, — сказа́л я. — Устаёшь здо́рово, небо́сь? А?

Он ничего́ не сказа́л, то́лько пожа́л плеча́ми. Что рабо́тки ему́ хвата́ет и что устаёт он зве́рски, бы́ло и без того́ ви́дно. Ло́дка о́пять шла про́тив тече́ния, и ве́сла с трудо́м, как в густу́ю че́рную гли́ну, погружа́лись в во́ду.

— Послу́шай, Матве́й Капито́ныч, — сказа́л я, помолча́в

и подумав, — скажи мне, пожалуйста, откровенно, по совести: неужели тебе давеча не страшно было?

— Это когда? Где? — удивился он.

— Ну, давеча, когда зенитки работали.

Он усмехнулся и с каким-то не то что удивлением, а пожалуй, даже с сожалением посмотрел на меня.

— Вы бы ночью сегодня поглядели, что было. Вот это да! — сказал он.

— А разве ты ночью тоже работал?

— Я дежурил. У нас тут на Деревообделочном он заигалок набросал целый воз. Так мы тушили.

— Кто «мы»?

— Ну, кто? Ребята.

— Так ты что — и не спал сегодня?

— Нет, спал немного.

— А ведь у вас тут частенько это бывает.

— Что? Бомбёжки-то? Конечно, часто. У нас тут вокруг батареи. Осколки как начнут сыпаться, только беги.

— Да, — сказал я. — А ты вот, я вижу, всё-таки не бежишь.

— А мне бежать некуда, — сказал он усмехнувшись.

— Ну, а ведь честно-то, по совести — боязно всё-таки?

Он опять подумал и как-то очень хорошо, просто и спокойно сказал:

— Бойся не бойся, а уж если попадёт, так попадёт. Легче ведь не будет, если бояться.

— Это конечно, — улыбнулся я. — Легче не будет.

Мне всё хотѣлось задать ему́ одинъ вопросъ, но какъ-то языкъ не поворачивался. Наконецъ я решился:

— А что, Мотя, правда, что у тебя тут недавно отецъ погибъ?

Мне показало́сь, что на одно́ мгновѣние вёсла дрогнули в его́ рукахъ.

— Ага, — сказа́л он хри́пло и отверну́лся в сто́рону.

— Его́ что — оско́лком?

— Да.

— Так вот, видишь, кака́я это опа́сная штука, оско́лки эти...

Цѣлую мину́ту он молча́л, налега́я на вёсла. Потомъ, так же не глядя на меня́, а куда́-то в сто́рону, хри́плым, басови́тым и, как мне показало́сь, да́же не своимъ го́лосомъ сказа́л:

— Воды́ боя́ться — в мо́ре не быва́ть.

— Это правильно. Это хорошо́ сказа́но. Ну, а всё-таки ра́зве ты об это́м не ду́мал? Если и тебя́ э́так же?

— Что меня́?

— Оско́лком.

— Тьфу, тьфу! — сказа́л он, сердито посмотре́в на меня́ и какъ-то ли́хо и замыслова́то, как ста́рый, быва́лый матро́с, плюну́в че́рез ле́вое плечо́.

Потомъ, заме́тив, что я улыба́юсь, не вы́держал, сам улыбу́лся и сказа́л:

— Ну что ж! Конечно́, мо́гут. Всякое́ быва́ет. Мо́гут и

убить. Тогда что ж... Тогда, значит, придётся Мánьке за вёсла садиться.

— Какóй Мánьке?

— Ну какóй! Сестрёнке. Она́, вы не думайте, она́ хоть и ма́ленькая, а с́илы-то у неё побóльше, чем у друго́го паца́на. На сп́инке Неву́ переплывáет тудá и о́брáтно.

Бесéдуя со мной, Мóтя ни на одну́ мину́ту не оставля́л управлénия лóдкой. Она́ уже́ миновáла серед́ину реки́ и тепёрь, относ́имая течénием в стóрону, шла нáискось к прáвому, высóкому бéрегу. А там уже́ поблёскивали ко́е-где стёкла в сéреньких дощáтых дóмиках, из-за дрáнковых¹, тóлевых² и желéзных крыш выгля́дывали ча́хлые пы́льные деревца́, а над н́ими без конца́ и без кра́я рассти́лалось бесцвётное бледноголубо́е, как разбáвленное молоко́, сéверное нёбо.

И о́пять на ма́ленькой пр́истани уже́ толпи́лся наро́д, уже́ слы́шен был шум голосо́в, и уже́ кто́-то крича́л что́-то и маха́л нам руко́й.

— Мóтя-а-а! — расслы́шал я и, взгляде́вшись, уви́дел, что кричи́т э́то ма́ленькая де́вочка в бе́лом плато́чке и в ка́ком-то бесцвётном дли́нном, как у цыга́нки, пла́тье.

— Мóтя-а-а! — крича́ла она́, надрыва́ясь и чуть ли не со слезáми в го́лосе. — Живе́й! Чего́ ты копа́ешься там?..

¹ Дрáнковых (дрáнки) — из то́нких, у́зеньких дощёчек.

² Тóлевых (то́ль) — из то́стого карто́на, не пропуска́ющего во́ду.

Мотя и головы не повернул. Только подводя лодку к мосткам, он поглядел на девочку и спокойно сказал:

— Чего орёшь?

Девочка была действительно совсем маленькая, босая, с таким же, как у Моти, загорелым лицом и с такими же смешными, выцветшими, белесыми бровками.

— Обедать иди! — загорячилась она. — Мама ждёт, ждёт!.. Уж горбх весь выкипел.

И в лодке и на пристани засмеялись. А Мотя неторопливо причалил ялик, дождался, пока сойдут на берег все пассажиры, и только тогда повернулся к девочке и ответил ей:

— Ладно. Иду. Принимай вахту.

— Это что? — спросил я у него. — Это Манька и есть?

— Ага. Манька и есть. Вот она у нас какая! — улыбнулся он, и в голосе его я услышал не только очень тёплую нежность, но и настоящую гордость.

— Славная девочка, — сказал я и хотел сказать ещё что-то.

Но славная девочка так дерзко и сердито на меня посмотрела и так ужасно сморщила при этом свой маленький загорелый, облупившийся нос, что я проглотил все слова, какие вертелись у меня на языке. А она шмыгнула носом, повернулась на босой ноге и, подобрав подол своего цыганского платья, ловко прыгнула в лодку.

— Эй, бабы, бабы!.. Не шуметь! Без паники! — закричала она хриплым, простуженным баском, совсем как Мотя.

«И, навѣрное, совсѣмъ какъ покойный отецъ», подумалось мне.

Я попрощался съ Мотей, протянулъ ему руку.

— Ладно. До свиданья, — сказалъ онъ не очень внимательно и подалъ мнѣ свою маленькую крепкую, шершавую и мозолистую руку.

Поднявшись по лѣсенкѣ навѣрхъ, на набережную, я оглянулся.

Мотя въ своемъ длинномъ и широкомъ балахонѣ и въ огромныхъ рыбацкихъ сапогахъ, удаляясь отъ пристани, шѣлъ уже по узенькой песчаной отмели, слегка наклонивъ голову и по-матросски покачиваясь на ходу.

А яликъ уже отчалилъ отъ берега. Маленькая дѣвочка сидѣла на вѣслахъ, ловко работала ими, и вѣсла въ ея рукахъ весело поблѣскивали на солнцѣ и рассыпали вокругъ себя тысячи и тысячи брызгъ.

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЁР

Лейтенант Фридрих Буш, лётчик германской разведывательной авиации, и новодеревенский школьник Лёша Михайлов в один и тот же день получили награды: лейтенант Буш — железный крест, а Лёша Михайлов — медаль «За оборону Ленинграда». Как сказано было в приказе германского командования, лётчик Буш представлялся к награде «за отличную разведывательную деятельность над позициями противника у Ленинграда, в результате чего были обнаружены и уничтожены 12 зенитных установок русских». А Лёша Михайлов получил медаль как раз за то, что

помог немецким самолётам обнаружить эти двенадцать батарей...

Вы, я вижу, удивлены. Вы думаете, что это ошибка или опечатка. Что же, выходит, что Лёша Михайлов — предатель? Почему же он тогда получил советскую награду, а не какой-нибудь тоже медный или оловянный немецкий крест?

А между тем никакой ошибки тут нет. Лёша Михайлов получил свою награду по заслугам. А вот за что получил её лейтенант Фридрих Буш, это неизвестно. Хотя, если разобраться, может быть он и в самом деле неплохо выполнил свою боевую задачу. Ведь он действительно обнаружил на подступах к Ленинграду двенадцать зенитных батарей. Правда, без помощи Лёши Михайлова и других ребят он вряд ли что-нибудь обнаружил бы...

Ну, да, впрочем, так вы всё равно ничего не поймёте, надо всё рассказать по порядку.

* * *

Лёша Михайлов жил, как я уже сказал, в Новой Деревне. Около их дома, за огородами, был пруд. На том берегу пруда в небольшой рощице стояла зенитная батарея. Почти каждую ночь, когда с финской стороны летели на Ленинград немецкие бомбардировщики, батарея открывала огонь. Конечно, не одна батарея. Их там вокруг было много. От

этого огня в михайловском доме, как и в других соседних домах, давно уже не осталось ни одного стекла — окна были заколочены досками или фанерой или заткнуты подушками.

Батарей была хорошо замаскирована. В обычное время, когда она помалкивала, не работала, её не только с воздуха, но и с земли нельзя было разглядеть. Но, конечно, это только взрослые не могли разглядеть. А от ребят разве что-нибудь скроешь?

Ребята ещё давно, ещё в самом начале войны, когда только появилась у них эта батарея, всё, что им нужно было, разнюхали, разведали и знали теперь батарею, наверно, не хуже самих зенитчиков. Знали и сколько там орудий, и какого они калибра, и сколько у орудий прислуги, и кто командир, и где снаряды лежат, и как заряжают, и как стреляют, и как команду подаёт.

Работала батарея только по ночам. Наутро после налёта бомбардировщиков почти всякий раз прилетал в деревню маленький, лёгкий, похожий на стрекозу немецкий самолёт-разведчик «Хеншель-126». Иногда он по полчаса и больше кружил над деревней, выискивая расположение русских зениток. Но батарея молчала. И «Хеншель-126», повертевшись и покружившись, улетал восвояси.

Сначала ребята удивлялись:

— Чего ж они не стреляют? Ведь он же прямо совсем на куриной высоте летит! Его с одного выстрела подбить можно!..

Один раз они даже не выдержали и закричали через колючую проволоку командиру батареи, который в это время как раз разглядывал в бинокль вражеский разведчик:

— Товарищ старший лейтенант! Чего ж вы смотрите? Хлопните его из второго орудия. В самый раз будет.

Командир оторвался от бинокля и с удивлением посмотрел на ребят.

— Это что такое? — крикнул он строго. — Вы как сюда попали?

Ребята переглянулись, а Лёша Михайлов за всех ответил:

— Мы так... потихóнечку... замаскировáлись.

— Ах, вот как? Замаскировáлись? Ну, так и я вот тóже маскиру́юсь. Поня́тно?

— Ага. Поня́тно, — сказа́л, подумав, Лёша: — что́бы, знач́ит, не обнару́жили и не засе́кли?

— Во-во, — сказа́л командир. — А вообще́ — пошли́ вон отсю́да! Ра́зве не зна́ете, что сю́да нельз́я ходи́ть?

— Зна́ем, — отве́тили ребята. — Да мы не хóдим, мы ползаем.

— Ну и ползи́те обра́тно.

Дня́ че́рез три, ве́чером, на батарее́ была́ объя́влена боева́я трево́га. Не успе́л отзвенеть́ сигна́л, как ребята́ уже́ сидели́ на своём обы́чном ме́сте — в куста́х на бере́гу пруда́. Кто́-то из батарее́йцев их замéтил и сказа́л команди́ру.

— Ах, вот как? — закрича́л командир, узна́в Лёшу Миха́йлова. — Опя́ть э́то ты? Ну, погодí, попади́сь ты мне!..

Лёша и това́рищи его́ убежа́ли, но и по́сле, коне́чно, подгля́дывали за батарее́йцами, то́лько ста́ли немно́жко осто́рожнее.

А в нояб́ре ме́сяце, перед са́мыми пра́здниками, случи́лась э́та са́мая исто́рия, за кото́рую Лёша Миха́йлов с това́рищами чуть́ не угоди́ли в трибуна́л.

Ну, да, впрóчем, не бу́дем забега́ть вперёд. Бу́дем рас́сказывать и да́льше по поря́дку.

Выдался как-то очень хороший зимний денёк. Снегу насыпало — ни пройти, ни проехать. После школы выбежали ребята на улицу гулять. Стали играть в снежки. Поиграли немного — надоело. Кто-то предложил:

— Давайте лепить снежную бабу.

А Лёша Михайлов подумал и вдруг говорит:

— Нет, ребята, давайте лучше не бабу. Давайте знаете что? Построим снежную крепость! Или батарею зенитную! С блиндажом и со всем, что полагается...

Затяг ребята понравилась, и вот на пруду, за михайловскими огородами, по соседству с настоящей зенитной батареей началось строительство игрушечной, снежной и ледяной, огневой точки.

Работали ребята весь день до вечера. Катали снежные комья, возводили стены, брустверы¹, орудийные площадки... И получилось у них здорово. Всё как настоящее. Даже пушку соорудили, и пушка у них была не какая-нибудь, а самая «всамделишная», зенитная, из какой-то старой оглобли, и даже вертелась, и можно было из неё прицеливаться.

Это было в субботу. На следующий день ребята с утра достраивали свою крепость, когда над их головами в без-

¹ Брустверы — места, служащие для укрытия стрелков от неприятельского огня.

облачном зѣмнемъ нѣбе появился старѣй новодеревѣнскій знакомѣй — «Хѣншель-126». На ѣтотъ разъ онъ прилетѣлъ очѣнь кстаѣти. Играть стаѣло ещѣ интереснее.

— Вѣздух! — закричалъ Кѣська Мѣхин, маѣленький веснѣщатѣй паренѣкъ по прѣзвищу «Мѣха».

— Тревога! — закричалъ Лѣша Михайлов. — Товарищи бойцы, по местамъ!

Онъ перѣвый подбежалъ къ игрушечной пушке и сталъ наводить еѣ на настоящій вражескій самолѣтъ.

— По фашистскимъ стервятникамъ — огѣны! — скомандовалъ онъ и самъ отвѣтилъ за свою пушку: — Бах! Бах!

— Бам-ба-ра-ра-ах! — хоромъ подхватили ребята.

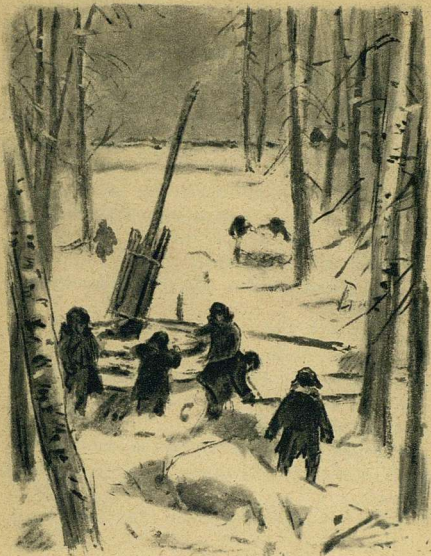
А развѣдчикъ, какъ всегда, повертѣлся, покрутѣлся и улетѣлъ въ сторѣону фрѣнта.

Ребята ещѣ немногѣ поиграли, потѣмъ разошлись.

Лѣшу Михайлова позвали домѣй обѣдать. Онъ съ удовольствіемъ вѣхлебалъ свою мѣску капѣустной похлѣбки и уже собиравшя попросить у матери добавочки и даѣже протянулъ для ѣтого мѣску, какъ вдругъ мѣска вылетѣла изъ егѣ рукъ. Оглушительный ударъ, а за нимъ вторѣй и трѣтій прогремѣли, какъ емѣу показалошя, надъ самоѣй егѣ головоѣй. Стѣны михайловскагѣ дома зашатались, посыпалась штукатурка, на кѣхне что-то упало и со звономъ покатилошя.

— Бомбятъ! Бомбятъ! — кричалъ ктѣ-то на ѣлицѣ.

Тамъ уже работали зѣнитки, стучалъ пулемѣтъ, и гдѣ-то высоко въ нѣбе приглушенно гудѣли моторы немѣцкихъ пикировщиковъ.

— А ну, живо лѣзьте в подпóлье! — скомáндовала Лѣшина мать, отодвигáя стол и поднимáя тяжѣлую крýшку лю́ка.

Ба́бушка, а за не́ю Лѣшины сѣстры и мла́дший брат полѣзли в подва́л, а сам Лѣша, по́льзуясь сумато́хой, сорва́л со стѣны ша́нку и побежа́л в сѣни.

Во дворе́ он чуть не столкну́лся с Кóськой Му́хиным. Му́ха едва́ дыша́л, ли́цо у него́ бы́ло блѣдное, губы дрожа́ли.

— Ой, Лѣшка! — забормотáл он, испугáнно огляды́ваясь и шмы́гая но́сом. — Ты зна́ешь... беда́ кака́я...

— Что? Кака́я беда́?

Му́ха не мог отды́шаться.

— Ты зна́ешь, ведь э́то... ведь э́то ж на́шу батаре́ю сейча́с бомби́ли.

— Ну да! Не ври! — сказа́л, побледне́в, Лѣша.

— Ей-бо́гу! Сво́ими глаза́ми ви́дел — две бо́мбы... прямо́е попада́ние... и о́бе в на́шу батаре́ю. От не́е одни́ щёпочки оста́лись.

— Сам ви́дел, говори́шь?

— Говорю́ ж тебе́: сво́ими глаза́ми ви́дел. Мы с Ва́лькой Вдо́виным за водо́й ходи́ли, увида́ли — и срáзу туда́. Я убежа́л, а он..

— Что?! — закрича́л Лѣша и с си́лой схвати́л това́рища за плѣчи.

— Его́... его́ на батаре́ю увели́. На настоя́щую, — сказа́л Му́ха и, опу́стив го́лову, запла́кал.

Неме́цкие самолёты разбомби́ли игру́шечную кре́пость и улетели.

На бата́реях прозвуча́л отбо́й возду́шной трево́ги, по-немно́гу успоко́илось всё и в са́мой дере́вне, а Ва́лька Вдо́вин всё ещё не возвраща́лся до́мой.

Ле́ша Миха́йлов не́сколько раз бе́гал к Ва́лькиной ма́тери. Он успока́ивал её, говори́л, что ви́дел Ва́льку «сво́ими гла́зами», что он жив, что его́ пригласи́ли в го́сти зени́тчики и, наве́рно, угоща́ют его́ там ча́ем и суха́рями.

Но сам Ле́ша не мог успоко́иться.

«Ведь э́то ж я виновáт, — ду́мал он. — Э́то я всё вы́думал с э́той дура́цкой кре́постью. А Ва́лька да́же не стро́ил её. Он то́лько сего́дня у́тром из Ленингра́да при-е́хал...»

Он уже́ собира́лся пойти́ на бата́рею и сказа́ть, что э́то он виновáт, а не Ва́лька, когда́ в дверь посту́чались и в ко́мнату ввали́лся сам Ва́лька Вдо́вин.

— Ага́, ты до́ма? — сказа́л он, оста́навливаясь в дверя́х.

— До́ма, до́ма, заходи́! — обра́довался Ле́ша.

— Да нет... я на мину́тку... я не бу́ду, — пробормота́л Ва́лька. — Кто-нибу́дь у вас есть?

— Нет, никогó нет. Ба́бушка спит, а ма́ма в о́чередь ушла́. Заходи́, не бо́йся.

— Ле́шка, — сказа́л Вдо́вин, не гля́дя на Ле́шу, — те-бя́, наве́рно, в трибуна́л отпра́вят. Суди́ть бу́дут.

— Меня? — сказа́л Лёша. — А отку́да ж узна́ли, что это я?

— Отку́да узна́ли? А это я на тебя́ сказа́л.

— Ты?!

— Да, я, — повторил Ва́лька и посмотре́л Лёше в глаза́. — Нача́ла не хоте́л говори́ть. Говорю́: знать ничего́ не зна́ю. А пото́м командир батареи спра́шивает: «Это, ве́рно, такой чернявёнький, с полоса́тым ша́рфом... Миха́йлов его́, ка́жется, зову́т». Ну, я и сказа́л: «Да, говорю́, Миха́йлов». И а́дрес твой спроси́ли — я то́же сказа́л.

Лёша стоя́л, опусти́в го́лову.

— Так, — заговори́л он наконёц. — Зна́чит, и а́дрес сказа́л?

— Да. И а́дрес сказа́л.

— Ну и пра́вильно, — сказа́л Лёша. — Я бы все́ равно́ сам поше́л на батарею́. Я уже́ собира́лся да́же...

— Зна́чит, ты не се́рдишься?

Лёша посмотре́л на това́рища и усмехну́лся:

— Чуда́к! Нет, коне́чно.

Ва́лька схвати́л его́ за́ руку.

— Зна́ешь что? — сказа́л он. — А мо́жет, быть, тебе́ убежа́ть лу́чше?

— И не поду́маю, — сказа́л Лёша.

Пото́м он взгляну́л на Ва́льку, не выде́ржал и тяжело́ вздохну́л.

— Как ты ду́маешь — расстре́лят? — спроси́л он.

Вáлька подумал немно́го и пожа́л плеча́ми.

— Мо́жет быть, и не расстреля́ют, — отве́тил он не о́чень уве́ренно.

* * *

До ве́чера Лёша Миха́йлов ходи́л сам не свой. Прихо́дили ребя́та, зва́ли его́ гуля́ть — он не вы́шел. Уро́ков он не учи́л, отказа́лся от у́жина и, ра́ньше чем обы́чно, уле́гся спать. Но как ни стара́лся, как ни ворóчался с одно́го бо́ка на друго́й, засну́ть он не мог. Не то что́бы он о́чень боя́лся чего́-нибу́дь. Нет, Лёша был, как говори́тся, не из трусли́вого де́сятка. Но всё-таки, как вы са́ми понима́ете, положё́ние у него́ бы́ло невесе́лое. Тем бо́лее что он чу́ствовал себя́ действите́льно виноваты́м. А мысль о том, что суди́ть его́ бу́дут в во́енном трибуна́ле, как како́го-нибу́дь шпио́на или преда́теля, совсе́м убива́ла его́.

«Мо́жет быть, и в са́мом де́ле лу́чше убежа́ть? — ду́мал он. — Попро́буюсь как-нибу́дь на фронт и́ли к партиза́нам, навру́ чего́-нибу́дь — скажу́, что мне ско́ро трина́дцать лет бу́дет, — мо́жет, меня́ и возьму́т. Пойду́ куда́-нибу́дь в развёдку и поги́бну... как полага́ется... а по́сле в газе́тах напи́шут и́ли, мо́жет быть, объя́вят Геро́ем Сове́тского Сою́за...»

Но убежа́ть Лёша не успе́л. Пе́ред са́мым рассве́том он забы́лся и задрема́л. А в полови́не восьмо́го, ра́ньше чем обы́чно, его́ разбуди́ла мать.

— Лёша, Лёшенька! — говори́ла она́ испуганным го́лосом. — Просни́сь! Сынóчек!

— Чего́? — забормота́л Лёша, дры́гая спросóнья ного́й.

— Встава́й скорей. За тобо́й прие́хали, тебя́ спра́шивают.

Лёша бы́стро сброси́л с себя́ одея́ло и сел в по́стели.

— Прие́хали? Из трибуна́ла? — сказа́л он.

— Из како́го трибуна́ла? Не зна́ю, воённый како́й-то прие́хал. На мотоциклётке.

«Эх, не успе́л убежа́ть!» подумал Лёша.

Застёгивая на ходу́ руба́шку и заты́гивая ремешо́к на животе́, он вы́шел на кúхню.

У пёчки сто́ял вы́сокий красноарме́ец в полушúбке и в ко́жаном шофе́рском шлеме́. Он суши́л пе́ред пёчкой свои́ меховы́е рукави́цы. От них шёл пар.

Уви́дев Лёшу, красноарме́ец как бу́дто слегка́ удиви́лся. Навер́но, он ду́мал, что Лёша немно́го постáрше.

— Миха́йлов Алексе́й — э́то вы бу́дете? — спроси́л он.

— Я, — отве́тил Лёша.

— Одева́йтесь. Я за ва́ми. Вот у меня́ пове́стка на вас.

— Ой, ба́тюшки-све́ты, куда́ э́то вы его́? — испуга́лась Лёшина мать.

— А э́то, мама́ша, воённая та́йна, — усмехну́лся красноарме́ец. — Е́сли вызы́вают — зна́чит, заслужи́л.

У Лёши не попада́ли в рукава́ ру́ки, когда́ он натя́гивал своё пальти́шко. Ма́ть хоте́ла ему́ помо́чь, он отстра́нил её.

— Ла́дно, ма́ма. Оста́вь. Я сам, — сказа́л он и почув́ствовал, что зу́бы у него́ всё-таки слегка́ сту́чат и го́лос дрожи́т.

— Взять с собо́й что-нибу́дь мо́жно? Или не на́до? — спроси́л он, посмотре́в на красноарме́йца.

Тот о́пять усмехну́лся и ниче́го не сказа́л, а то́лько покача́л голово́й.

— Поё́хали, — сказа́л он, надева́я свои́ меховы́е перча́тки.

Лёша попроща́лся с ма́терью и поше́л к вы́ходу.

На у́лице у воро́т сто́ял яркоре́зный трофе́йный мотоци́кл с приста́вной коля́ской-ло́дочкой.

Ещё́ вчера́ у́тром с ка́ким удо́вольствием проката́лся бы Лёша Миха́йлов на виду́ у все́й дере́вни в э́той пре́красной трехколёсной маши́не! А сейча́с он с трудо́м, еле́ волоча́ но́ги, забра́лся в коля́ску и срáзу же по́днял воротни́к и спря́тал лицо́: ещё́, не дай бог, уви́дит кто-нибу́дь из сосе́дей...

Красноарме́ец сел ря́дом, в седло́, и оди́м уда́ром но́ги заве́л мото́р. Мотоци́кл задрожа́л, зафу́кал, застуча́л и, сорва́вшись с ме́ста, помча́лся, взмета́я сне́жные хлопья́ и подпры́гивая на уха́бах, по знако́мой дере́вской у́лице.

Е́хали они́ о́чень недóлго. Лёша и оглянúться не успёл, как маши́на промча́лась по дере́вянному мо́сту, сверну́ла за угол и остано́вилась у воро́т двухэта́жного ка́менного до́ма. У воро́т сто́ял часово́й.

Лёша огляде́лся и узна́л э́тот дом. Когда́-то здесь был де́тский сад.

«Э́то на Остро́вах, — сообрази́л он. — Вот он, ока́зывается, где трибуна́л-то помеща́ется...»

— Вылеза́йте, Алексе́й Миха́йлов. Пошли́, — сказа́л ему́ красноарме́ец.

«Ох, то́лько бы не запла́каты!» подумал Лёша, вылеза́я из каби́нки и напра́вляясь к воро́там.

Часово́й попро́сил у них про́пуск.

— К полко́внику Шмелёву, — сказа́л Лёшин сопровожда́ющий и показа́л пове́стку.

Часово́й открýл калитку́ и пропусти́л их.

В большо́й наку́ренной ко́мнате, где когда́-то помеща́лась, наве́рное, столо́вая де́тского са́да, бы́ло сейча́с о́чень мно́го во́енных. Бы́ли тут и ле́тчики, и зени́тчики, и моря́ки с берего́вой оборо́ны. Бы́ли и красноарме́йцы и офице́ры. Кто сиде́л, кто сто́ял, прислони́вшись к стене́, кто расха́живал по ко́мнате.

— Погоди́те мину́тку, я сейча́с, — сказа́л Лёше его́ спúтник и скры́лся за большо́й бе́лой две́рью.

Че́рез мину́ту он верну́лся.

— Посиди́, отдохни́, тебя́ вы́зовут, — сказа́л он и уше́л. Лёша присе́л на краёше́к скамьи́ и стал жда́ть.

Вдруг бе́лая дверь откры́лась, и из не́е вы́шел Лёшин знако́мый — тот са́мый ста́рший лейтена́нт, кома́нди́р ново-дереве́нской бата́реи. Он уви́дел Лёшу, узна́л его́, но ниче́го не сказа́л, нахму́рился и поше́л к вы́ходу.

А Лёша да́же привста́л от волне́ния. Он да́же не сразу́ рассу́ждал, что его́ зову́т.

— Миха́йлов! Миха́йлов! Кто Миха́йлов? — говори́ли вокру́г.

— Я Миха́йлов! — закрича́л Лёша.

— Что ж ты не отклика́ешься! — сердито́ сказа́л ему́ мо́лоденький лейтена́нт в блестя́щих, как зе́ркало, са-пога́х.

Он сто́ял в дверя́х с ка́кими-то па́пками и спи́сками и уже́ це́лую мину́ту вызы́вал Лёшину фами́лию.

— Пройди́те к полко́внику, — сказа́л он, открыва́я бе́лую дверь.

«То́лько бы не запла́каты!» ещё́ раз поду́мал Лёша и, стара́ясь держа́ться пра́мо, по-во́енному, шагну́л че́рез поро́г.

* * *

Пожило́й, стри́женный ёжиком полко́вник сиде́л за боль-ши́м сто́лом и перели́стывал ка́кие-то бума́ги.

— Миха́йлов? — спроси́л он, не гля́дя на Лёшу.

— Да, — отве́тил Лёша.

Полкóвник пóднял глазá и тóже как бóудто удивíлся, что Лёша такóй малёнький.

— Н-да, — сказа́л он, разгля́дывая его́ из-под густы́х и мохна́тых, как у медве́дя, бровей. — Вот ты какóй, оказыва́ется. А ну́-ка, подойди́ бли́же.

Лёша подошёл к столу́. Полкóвник смотре́л на него́ стро́го, и се́дые медве́жьи брови́ его́ все́ бли́же и бли́же сдвига́лись к перенóсице.

— Так, зна́чит, э́то ты постро́ил э́ту сне́жную кре́пость, и́ли блинда́ж, и́ли что там... ко́торую вчера́ разбомби́ли «ме́ссеры»?

— Да... я, — прохрипе́л Лёша и почу́вствовал, что ещё мину́та — и слёзы помеша́ют ему́ говори́ть. — То́лько ведь мы не на́рочно, това́рищ полкóвник, — приба́вил он, стара́ясь гляде́ть полкóвнику́ пра́мо в глаза́. — Мы ведь игра́ли...

— Ах, вот как? Игра́ли?

— Ага́, — прошепта́л Лёша.

— Кто э́то — мы?

— Ну, кто? Реба́та, одни́м сло́вом.

— А кто зачи́нщик? Кто вы́думал все́ э́то? Под чьим руково́дством стро́или?

— Я вы́думал. Под мо́им, — отве́тил Лёша, опуска́я го́лову.

И тут он не вы́держал и запла́кал.

— Това́рищ полкóвник... пожа́луйста... прости́те меня́, — пролепета́л он. — Я бо́льше не бу́ду...

— Это что — не будешь?

— Играть не буду...

— Вот тебе и на! — усмехнулся полковник. — Как же это можно — не играть?

— Ну... вообще... блиндажей не буду строить.

— Не будешь? Самым серьезным образом не будешь?

— Самым серьезным. Вот ей-богу, хоть провалиться! — сказал Лёша.

— Н-да, — сказал полковник. — Ну, а если мы тебя попросим?

— Что попросите?

— Да вот что-нибудь ещё построить — в этом же роде. Крепость, или блиндаж, или дзот какой-нибудь...

Лёша поднял глаза. Полковник смотрел на него попрежнему серьёзно, не улыбаясь, только брови его разошлись от переносицы и под ними открылись синие, немного усталые и воспалённые от долгой бессонницы глаза.

— Видишь ли, дорогой товарищ, какая история, — сказал он. — Оказывается, что в военное время даже играть надо осторожно. Вот построили вы, например, батарею. Отлично, вероятно, построили, если немец её за настоящую принял. Но построили вы её где? Рядом с настоящей, боевой, действующей зенитной батареей. Это тебе известно?

— Известно, да, — чуть слышно проговорил Лёша.

— А ведь рядом не только батарея. Тут и жилые дома, живые люди...

— Товарищ полковник! — перебил его Лёша. — Да разве ж я не понимаю?!

— Понимаешь, да поздно, — строго сказал полковник. — Задним умом живёшь.

— Правильно. Задним, — вздохнув, согласился Лёша.

— А между тем, — продолжал полковник, — такие фальшивые, что ли, сооружения, как ваша крепость, нам, военным людям, очень и очень нужны. Они называются у нас ложными объектами. Чтобы замаскировать настоящий объект, отвести противнику глаза, где-нибудь

в сторонé стрóятся поддѣльные, декоративные, похóжие на настоящие и всё-таки не настоящие укреплѣния и сооруже́ния: блиндажи́, око́пы, анга́ры¹, огневые то́чки, батарéи — всё, чегó, однимъ слóвомъ, душа́ пожелаёт.

Лёша давно́ уже проглотилъ слёзы и слúшал полкóвника с такимъ внимáнием, что да́же рот открýл.

— Поня́тно тебé? — сказа́л полкóвник.

— Ага́. Поня́тно, — кивну́л Лёша.

— Так вот, това́рищ Миха́йлов, не согласи́тесь ли вы пострóить нам шту́чек пять-шесть такихъ ло́жных объёктов?

— Э́то кто? Э́то я? — чуть не закрича́л Лёша.

— Да. В о́бщем, ты и това́рищи твои́.

Лёша смотре́л на полкóвника и не понима́л, шу́тит он и́ли нет.

— А из чегó стрóить? Из снéга? — спроси́л он.

— А э́то уж как вам хóчется. Лу́чше всего́ из снéга, коне́чно. Во-пе́рвых, материа́л дешёвый. А во-вторыхъ, кто же лу́чше ребят со снéгом уме́ет рабо́тать?

— То́чно! — согласи́лся Лёша.

— Ну, так как же? — сказа́л полкóвник.

— Ну что ж, — отве́тил Лёша, для ва́жности почеса́в в заты́лке. — Мо́жно, коне́чно. То́лько вот бою́сь, что, пожа́луй...

— Что ещё за «пожа́луй»?

¹ Анга́ры — сооруже́ния, где храня́тся и сто́ят самолёты.

— Оглобель, боюсь, нехватит.

— Каких оглобель?

— Ну, которые вместо пушек. У нас ведь понарошку было: зенитки у нас не было, так мы оглобляю вместо неё...

— Понятно, — сказал полковник. — Ну что ж, товарищ Михайлов, оглобель уж мы вам как-нибудь раздобудем. За оглоблями дело не станет.

— Тогда что ж... тогда всё в порядке, — сказал Лёша.

Они ещё немножко поговорили, и через десять минут красный штабной мотоцикл уже мчал Лёшу Михайлова обратно домой.

* * *

А что было дальше, я вам в подробностях рассказать не могу. Где и как строились ложные объекты, это, как вы сами понимаете, очень большая военная тайна. Могу только сказать, что строили их вместе с Лёшей Михайловым и Коська Мухин, по прозвищу Муха, и Валька Вдовин, и другие новодеревенские ребята. Но Лёша Михайлов был у них главным инженером. И в штабе, куда он теперь частенько заглядывал за указаниями и за инструкциями, его так и называли: военинженер первого ранга Алексей Михайлов.

Работали ребята, в общем, на славу. Иногда, если нужно было, и по ночам работали, забывали и пить и есть, не

жалели ни сна, ни времени своего, но в школу всё-таки бегали, не пропускали, а Лёша Михайлов даже умудрился в эти дни получить «отлично» по русскому письменному.

А «Хёншель-126» теперь уже не летал в Новую Деревню, а летал туда, где возникали одна за другой новые зенитные точки. Следом за ним прилетали тяжёлые «мессеры» и «фокке-вульфы» и, не жалея боеприпасов, бомбили снежные блиндажи и деревянные орудия. А ребята сидели в это время дома или в убежище, прислушивались к далёким разрывам фугасок, переглядывались и посмеивались. И взрослые не понимали, чего они смеются, и сердились. Ведь никто не знал, что немцы бомбят снег, а ребята хранили военную тайну, как полагается...

Иногда, если немцы не замечали батарею и долго её не бомбили, ребятам приходилось достраивать или даже перестраивать её. Но таких было немного — две или три, а на остальные немцы «клевали», как рыба клюёт на хорошую приманку.

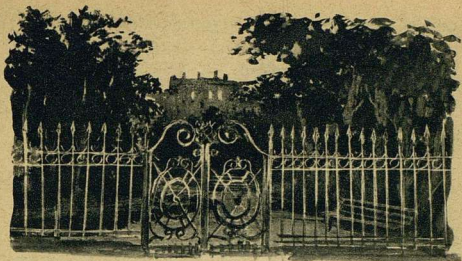
В тот день, когда фашистские самолёты разбомбили двенадцатую по счёту снежную батарею, Лёшу Михайлова с товарищами вызвали в Ленинград, в штаб фронта. Их принял командующий фронтом. Из его рук Лёша Михайлов получил медаль, а товарищи его — почётные грамоты, в которых было сказано, что они отличились на обороне города Ленина, «выполняя специальное задание командования».

В этот же день лейтенант Фридрих Буш, командир разведывательного самолёта «Хеншель-126», получил железный крест. Об этом писали немецкие фашистские газеты. Видели мы там и фотографию этого отважного лётчика. До чего же, вы знаете, глупое, самодовольное и счастливое лицо у этого «прославленного героя»!

Где-то он теперь, этот Фридрих Буш?

А Лёша Михайлов жив, здоров, попрежнему живёт в Новой Деревне и учится уже в восьмом классе.

ЧЁСТНОЕ СЛÓВО

Одна́жды лётóм я сидёл в городскóм садú и читáл кнйгу. Кнйга былá интерёсная, я зачитáлся и не замéтил, как наступíл вéчер и стáло темнó. Тогда́ я закры́л кнйгу, подня́лся и пошёл к вýходу.

Сад ужé опустёл, на ўлицах мелькáли огонькí, и гдé-то за дёрéвьями звенёл колоко́льчик стóрожа.

Я боя́лся, что сад закрóется, и шёл очéнь бы́стро.

Вдруг я остано́вился. Мне послýшалось, что глé-то в сторонé, за ку́стами, ктó-то пла́чет.

Я сверну́л на боковúю доро́жку — там белёл в темнотé небольшо́й ка́менный до́мик, а óколо егó стéны стоя́л

мáленький мáльчик, лет семí или восьмí, и, опусти́в го́лову, грóмко пла́кал.

Я подошёл и окли́кнул его́:

— Эй, что с тобо́й, мáльчик?

Он срáзу, как по кома́нде, переста́л пла́кать, по́днял го́лову, посмотре́л на меня́ и сказа́л:

— Ничего́.

— Как э́то — ничего́? Тебя́ кто оби́дел?

— Никто́.

— Так чего́ ж ты пла́чешь?

Ему́ ещё тру́дно бы́ло говори́ть, он ещё не проглотил всех слёз, ещё всхли́пывал, ика́л, сопёл но́сом.

— Давáй пошли́, — сказа́л я ему́. — Смотри́, уже́ по́здно, уже́ сад закрывáется.

И я хоте́л взять мáльчика за́ руку. Но мáльчик поспéшно отде́рнул ру́ку и сказа́л:

— Не могу́.

— Что не мо́жешь?

— Итти́ не могу́.

— Как? Почему́? Что с тобо́й?

— Ничего́, — сказа́л мáльчик.

— Ты что — нездоров́?

— Нет, — сказа́л он, — здоро́в.

— Так почему́ ж ты итти́ не мо́жешь?

— Я часово́й, — сказа́л он.

— Как часово́й? Како́й часово́й?

— Ну что вы не понима́ете! Мы игра́ем.

— А с кем же ты игра́ешь?

Ма́льчик помолча́л, вздохну́л и сказа́л:

— Не зна́ю.

Тут я подумал, что, наве́рно, ма́льчик все́-таки бо́лен и что у него́ голова́ не в порядке.

— Послу́шай, — сказа́л я ему́, — что ты говори́шь? Как же э́то так? Игра́ешь и не зна́ешь, с кем?

— Да, — сказа́л ма́льчик, — не зна́ю. Я на скаме́йке сиде́л, а тут ка́кие-то большо́е ребята́ подхо́дят и говори́т: «Хо́чешь игра́ть в войну́?» Я говори́ю: «Хо́чу». Ста́ли игра́ть,

и мне говорят: «Ты сержант». Один большой мальчик привёл меня сюда и говорит: «Тут у нас пороховой склад, в этом домике. А ты будешь часовый. Стой здесь, пока я тебя не сменю». Я говорю: «Хорошо». А он говорит: «Дай честное слово, что не уйдёшь». Ну, я и сказал: «Честное слово, не уйду».

— Ну, и что?

— Ну и вот. Стою, стою, а они не идут.

— Так! — улыбнулся я. — А давно они тебя сюда поставили?

— Ещё светло было.

— Так где же они?

Мальчик опять вздохнул и сказал:

— Я думаю, они ушли.

— Как ушли?

— Забыли.

— Так чего ж ты тогда стоишь?

— Я честное слово сказал..

Я уже хотел засмеяться, но потом подумал и понял, что смешного тут ничего нет и что мальчик совершенно прав. Если дал честное слово, так надо стоять, что бы ни случилось. А игра это или не игра — всё равно.

— Вот так история получилась! — сказал я ему. — Что же ты будешь делать?

— Не знаю, — сказал мальчик и опять заплакал.

Мне очень хотелось ему как-нибудь помочь. Но что я мог сделать? Игги искать этих глупых мальчишек, кото-

рые поставили его на караул, взяли с него честное слово, а сами убежали домой? Да где же их сейчас найдёшь, этих мальчишек! Они уж, небось, поужинали и давно спать легли.

А человек на-часах стоит. В темноте. И голодный, небось.

— Ты, наверно, есть хочешь? — спросил я у него.

— Да, — сказал он, — хочу.

— Ну, вот что, — сказал я подумав: — ты вали-бегй домой, поужинай, а я пока за тебя постою тут.

— Да, — сказал мальчик, — а это можно разве?

— Почему же нельзя?

— Вы же не военный.

Я почесал затылок и сказал:

— Правильно. Ничего не выйдет. Я даже не могу тебя снять с караула. Это может сделать только военный, только начальник...

И тут мне вдруг в голову пришла мысль. Я подумал, что если освободить мальчика от честного слова, снять его с караула может только военный, так в чём же дело? Надо, значит, идти искать военного.

Я сказал мальчику: «Подожди минутку», а сам, не теряя времени, побежал к выходу.

Ворота ещё не были закрыты, ещё сторож ходил где-то в самых дальних уголках сада и звонил там в свой колокольчик.

Я остановился у ворот и стал поджидать, не пройдёт ли

мимо какой-нибудь военный, какой-нибудь лейтенант или хотя бы рядовой красноармеец. Но, как назло, ни один военный не показывался на улице.

Вот было мелькнули на другой стороне улицы какие-то чёрные шинели, я обрадовался, подумал, что это военные моряки, перебежал улицу и увидел, что это не моряки, а мальчишки-ремесленники. Прошёл высокий железнодорожник в очень красивой шинели. Но и железнодорожник с его замечательной шинелью мне тоже был в эту минуту ни к чему.

Я уже хотел возвращаться в сад, как вдруг увидел за углом, на трамвайной остановке, синюю офицерскую фуражку с красным кавалерийским околышем. Кажется, ещё никогда в жизни я так не радовался, как обрадовался в эту минуту. Со всех ног я побежал к остановке. И вдруг, не успев добежать, вижу — к остановке подходит трамвай и офицер, молодой кавалерийский майор, вместе с остальной публикой собирается войти в вагон.

Еле дыша, я подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

— Товарищ майор! Подождите! Товарищ майор!..

Он оглянулся, с удивлением на меня посмотрел и сказал:

— В чём дело?

— Видите ли, в чём дело, — сказал я: — тут в саду, около белого домика, на часах стоит мальчик. Он не может

уйти, он дал честное слово... Он очень маленький. Он плачет...

Офицер посмотрел на меня с испугом. Наверно, он тоже подумал, что я блен и что у меня голова не в порядке.

— Интересно знать, при чём же тут я? — сказал он.

Трамвай его ушёл, и он смотрел на меня очень сердито.

Но когда я немножко подробнее объяснил ему, в чём дело, он не стал раздумывать и сразу же сказал:

— Идёмте! Конечно! Почему же вы мне сразу не сказали, в чём дело?

Когда мы подошли к саду, сторож как раз вёшал на ворота замок. Я попросил его несколько минут подождать, сказал, что в саду у меня остался мальчик, и мы с майором побежали в глубину сада.

В темноте мы с трудом отыскали белый домик. Мальчик стоял на том же месте, где я его оставил, и опять он очень тихо плакал. Я окликнул его. Он обрадовался, даже вскрикнул от радости, а я сказал:

— Ну вот, я привёл начальника.

Увидев офицера, мальчик как-то весь выпрямился, вытянулся и даже как будто на несколько сантиметров стал выше.

— Товарищ караульный, — обратился к нему офицер, — какое вы носите звание?

— Я сержант, — сказал мальчик.

— Товарищ сержант, приказываю оставить порученный вам пост.

Мальчик помолчал, посопел носом и сказал:

— А у вас какое звание? Я не вижу, сколько у вас звёздочек...

— Я майор, — сказал офицер.

И тогда мальчик приложил руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и сказал:

— Есть, товарищ майор: приказано оставить пост!

И сказал он это так звонко и так ловко, что мы оба не выдержали и расхохотались. И мальчик тоже весело и с облегчением засмеялся.

Не успели мы втроём выйти из сада, как за нами закрыли ворота, и сторож несколько раз повернул ключ.

Майор протянул мальчику руку.

— Молодец, товарищ сержант! — сказал он. — Из тебя выйдет настоящий воин. До свиданья!

Мальчик что-то пробормотал и сказал:

— До свиданья...

А майор отдал нам обоим честь и, увидев, что подходит его трамвай, побежал к остановке.

Я тоже попрощался с мальчиком и пожал ему руку.

— Может быть, тебя проводить? — спросил я у него.

— Нет, я близко живу. Я не боюсь, — сказал мальчик.

Я посмотрел на его маленький веснушчатый нос и подумал, что ему действительно нечего бояться. Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не

испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Ещё неизвестно, кем он будет, когда вырастет, но кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек.

Я подумал так, и мне стало очень приятно, что я познакомился с этим мальчиком.

И я ещё раз крепко и с удовольствием пожал ему руку.

НОВЕНЬКАЯ

На улицах ещё не совсем рассвело и синие утренние тени ещё покрывали сугробы чистого, выпавшего за ночь снега, а Володька Бессонов уже бежал в школу. Бежал он очень быстро, во-первых, потому, что на улице было холодно — говорят, что таких морозов, как в этом году, не было уже много лет, — а во-вторых, Володьке очень хотелось самым первым явиться сегодня в класс. Вообще-то он не был особенно прилежным и выдающимся мальчиком. В другое время он, пожалуй, и опоздать не постеснялся бы. А тут, в первый день после долгих, бесконечно затянув-

шихся каникул, было почему-то здорово интересно притти именно первым и потом на каждом шагу и где только можно говорить:

— А вы знаете, я сегодня первый пришёл!

Он даже не остановился, чтобы посмотреть на огромные, выкрашенные в белую краску танки, которые, покачиваясь и оглушительно гроыхая, проходили в это время по улице. Да это было и не очень-то интересно: танков теперь в городе было, пожалуй, побольше, чем трамваев. На одну минуту только остановился Володька на углу — послушать радио. Передавали сообщение Информбюро. Радио хрипело, как простуженное. Володька половины не разобрал, постоял, шмыгнул носом и побежал дальше.

В раздевалке ещё горела синяя лампочка. Старая нянюшка дремала, положив голову на деревянный прилавок около пустых вешалок.

— Здравсти, нянечка! — заорал Володька, кидая свой портфель на прилавок.

Старуха испуганно вскочила и захлопала глазами.

— С добрым утром вас! Приятного аппетита! — затараторил Володька, снимая пальто и калоши. — Что? Не ждали? А я ведь, вы знаете, первый пришёл!!!

— А вот и врешь, — сказала нянька, потягиваясь и зевая.

Володька оглянулся и увидел на соседней вешалке маленькое пальто с белым кошачьим или заячьим воротником.

«Эх, надо же! — подумал он с досадой. — Какая-то всё-таки обскакала на полкилометра...»

Он попытался по виду определить, чьё это пальто, но что-то не мог вспомнить, чтобы у какой-нибудь девочки в их классе было пальто с заячьим воротником.

«Значит, это из другого класса девчонка, — подумал он. — Ну, а в чужом классе не считается. Всё равно я первый».

И, пожелав нянюшке «спокойной ночи», он подхватил свой портфель и поскакал навёрх.

...В классе за одной из первых парт сидела девочка. Это была какая-то совсем незнакомая девочка, маленькая, худенькая, с двумя белокурыми косичками и с зелёными бантиками на них.

Увидев девочку, Володька подумал, что он ошибся и заскочил не в свой класс. Он даже попятился обратно к двери. Но тут он увидел, что класс этот никакой не чужой, а его собственный четвёртый класс. Вон на стене висит рыжий кенгурёк с поднятыми лапами, вон коллекция бабочек в ящике за стеклом, вон его собственная, Володькина, парты.

— С добрым утром! — сказал Володька девочке. — Хорошего аппетита! Как вы сюда попали?

— Я новенькая, — сказала девочка очень тихо.

— Ну? — удивился Володька. — А почему зимой? А чего ж ты так рано?

Девочка ничего не сказала и пожала плечами.

— Мо́жет быть, ты не в тот класс пришлá? — сказа́л Воло́дка.

— Нет, в э́тот, — сказа́ла де́вочка. — В четвёртый «Б». Воло́дка подумал, почеса́л заты́лок и сказа́л:

— Чур, я тебя́ пе́рвый уви́дел.

Он прошёл к своёй па́рте, внима́тельно посмотре́л её, потро́гал для чего́-то кры́шку — всё бы́ло в по́рядке, и кры́шка открыва́лась и закрыва́лась, как полага́ется.

В э́то вре́мя в класс вошли́ две де́вочки. Воло́дка захло́пнул па́рту и закрича́л:

— Кумачо́ва! Шмули́нская! Здра́вствуйте! С до́брым у́тром! У нас но́венькая... Я её пе́рвый уви́дел!

Де́вочки остано́вились и то́же с удивле́нием посмотре́ли на но́венькую.

— Пра́вда? Но́венькая?

— Да, — сказа́ла де́вочка.

— А почему́ ты зимой? А как тебя́ зову́т?

— Морóзова, — сказа́ла де́вочка.

Тут появи́лось ещё не́сколько челове́к. Потом ещё. И всем Воло́дка объявля́л:

— Реба́та! У нас но́венькая! Её зову́т Морóзова! Я её пе́рвый уви́дел!

Но́венькую обступили. Ста́ли разгля́дывать, расспра́шивать. Ско́лько ей лет? И как её зову́т? И почему́ она́ зимой́ поступа́ет в шко́лу?

— Я не ту́тэшня, потому́, — сказа́ла де́вочка.

— Что зна́чит «не ту́тэшня»?

— Ну, не здѣшняя значит.

— Ты что — не русская?

— Нет, русская. Только я с Украины приехала.

— Ну да! Правда?

— Правда, — сказала девочка.

Отвечала она очень тихо и коротко и, хотя не смущалась нисколько, была какая-то грустная, рассеянная, и всё время казалось, что ей хочется вздохнуть.

— Морозова, хочешь, давай будем сидеть со мной? — предложила ей Лиза Кумачова. — У меня место свободное.

— Давай, всё равно, — сказала новенькая и пересела на Лизину парту.

В этот день почти весь класс явился раньше, чем обычно.

Ребята не виделись всего две недели, но за это время у каждого накопилось новостей больше, чем в другое время за всё лето.

У Вольки Михайлова разбомбили дом, его вместе с матерью и сестрёнкой засыпало в убежище, и их два дня откапывали. Толя Семёнов жил за городом и видел «своими глазами», как наши зенитчики сбили настоящий немецкий «мессершмитт». У Жоржика Семёнова ушёл добровольцем на войну брат, известный лыжник и футболист. У Любы Казанцевой записалась в ополчение почти вся семья: два брата, отец и двоюродный дядя. У Шмулинской старшая сестра выиграла по займу три тысячи рублей и все их до

копеечки отдала в фонд обороны. А у Володи Бессонова хотя особых новостей и не было, зато он тотчас придумал их: будто в их дом упали четыре зажигательные бомбы и он три из них затоптал валенками, а четвертую, когда валенки обгорели, заплевал, принёс домой и поставил на комод.

Володе не поверили — знали, что он любит выдумывать, — но всё-таки дали ему поврать, потому что всё-таки это было интересно и потому ещё, что он очень смешно об этом рассказывал.

Заговорившись, ребята забыли о новенькой и не заметили, как прошло время. А за окном уже совсем рассвело, и вот в коридоре зазвенел звонок, зазвенел как-то особенно громко и торжественно.

Ребята быстрее, чем обычно, расселись по партам. В это время в класс вбежала запыхавшаяся длинноногая Вера Макарова.

— Ребята! — закричала она. — Вы знаете... Новости!..

— Что? Что такое? Какая? — закричали вокруг.

— Вы знаете, у нас... у нас... новенькая!..

— Ха! — захохотали ребята. — Новости! Давно без тебя знаем!..

— Новенькая учительница, — сказала Вера.

— Учительница?!!

— Ага! Вместо Элеоноры Матвеевны будет. Ой, вы бы видели! — Вера всплеснула своими длинными руками. — Хорошенькая, молоденькая! Глаза голубые, а волосы...

Ей не пришлось дорисовывать портрет новой учительницы. Отворилась дверь, и на пороге появилась она сама — действительно, очень молодая, голубоглазая, с двумя золотистыми косами, уложенными, как венчок, вокруг головы.

Ребята поднялись ей навстречу, и в тишине какая-то девочка громко прошептала своей соседке:

— Ой, и правда, какая хорошенькая!

Учительница чуть заметно улыбнулась, подошла к своему столу, положила портфель и сказала:

— Здравствуйте, ребята! Вот вы какие! А мне говорили, что вы маленькие. Садитесь, пожалуйста.

Ребята сели.

Учительница прошла по классу, остановилась, опять улыбнулась и сказала:

— Ну, давайте познакомимся. Меня зовут Елизавета Ивановна. А вас?

Ребята засмеялись. Учительница прошла к столу и раскрыла журнал.

— О, да вас тут много! Ну, давайте всё-таки знакомиться. Антонова — кто это?

— Я! — сказала Вера Антонова поднимаясь.

— Ну, расскажи мне немножко о себе, — сказала учительница, присаживаясь к столу. — Как тебя зовут? Кто твой папа и мама? Где ты живёшь? Как ты учишься?

— Учусь — ничего, хорошо, — сказала Вера.

Ребята зафыркали.

— Ну, садись, — усмехнулась учительница. — Поживём — увидим. Следующий — Ба́ринова.

— Я!

— А тебя́ как зову́т?

Ба́ринова сказа́ла, что её зову́т Тама́ра, что живёт она́ в соседнем до́ме, что ма́ма у неё буфе́тчица, а па́па у́мер, когда́ она́ ещё была́ ма́ленькая.

Пока́ она́ э́то расска́зывала, Воло́дка Бессо́нов нетерпеливо ёрзал на своёй па́рте. Он знал, что его́ фами́лия следующая, и не мог дожда́ться о́череди.

Не успе́ла учи́тельница вы́звать его́, как он вскочи́л и затара́торил:

— Меня́ зову́т Воло́дя. Мне оди́ннадцать лет. Мой па́па парикма́хер. У меня́ есть соба́ка Ту́зик...

— Ти́хо, ти́хо, — улыбу́лась учи́тельница. — Ла́дно, садись, хва́тит. О Ту́зике ты мне по́сле расска́жешь, а то я с твои́ми това́рищами не успею́ познако́миться.

Так она́ посте́пенно по алфа́виту опро́сила полкля́сса. Наконе́ц подошла́ о́чередь но́венькой.

— Моро́зова! — вы́кликнула учи́тельница.

Со всех сторо́н закрича́ли:

— Э́то но́венькая! Елиза́вета Ива́новна, она́ но́венькая! Она́ сего́дня пе́рвый раз!

Учи́тельница внима́тельно посмотре́ла на ма́ленькую ху́денькую де́вочку, подня́вшуюся из-за своёй па́рты, и сказа́ла:

— Ах, вот как!

— Елизавета Ива́новна! — закрича́л Воло́дька Бессо́нов, поднимая́ ру́ку.

— Ну что? — сказа́ла учи́тельница.

— Елизавета Ива́новна, это де́вочка но́венькая. Её зову́т Морóзова. Я её сего́дня пе́рвый уви́дел...

— Да, да, — сказа́ла Елизавета Ива́новна. — Мы уже́ слы́шали об э́том. Ну что ж, Морóзова, — обрати́лась она́ к но́венькой, — расскажи́ и ты о себе́ твои́м но́вым това́рищам.

Но́венькая тяжело́ вздохну́ла и посмотре́ла куда́-то в сто́рону, в у́гол.

— Меня́ зову́т Ва́ля, — сказа́ла она́. — Мне бу́дет ско́ро двена́дцать лет. Я родила́сь в Кие́ве и всё вре́мя там жи́ла с па́пой и с ма́мой. А пото́м...

Тут она́ запну́лась и совсе́м ти́хо, одни́ми губа́ми сказа́ла:

— Пото́м мой па́па...

Что́-то меша́ло ей говори́ть.

Учи́тельница вы́шла из-за сто́ла.

— Хорошо́, Морóзова, — сказа́ла она́. — Хва́тит. Ты по́сле расска́жешь.

Но бы́ло уже́ по́здно. У но́венькой задрожáли губы́, она́ повали́лась на па́рту и гро́мко, на весь класс запла́кала.

Реба́та повскака́ли со свои́х мест.

— Что с тобо́й? Ва́ля! Морóзова! — крикну́ла учи́тельница.

Нóвенькая не отвеча́ла. Она́ уткну́лась ли́цом в сло́женные на па́рте ру́ки и де́лала всё, что́бы сдержáть слёзы, но, как ни стара́лась, как ни сжима́ла зу́бы, слёзы всё текли́ и текли́, и пла́кала она́ всё го́мче и всё безуте́шнее.

Учи́тельница подошла́ к ней и положи́ла ру́ку ей на плечо́.

— Ну, Морóзова, — сказа́ла она́, — ми́лая, ну успоко́йся...

— Елиза́вета Ива́новна, мо́жет быть она́ больна́, — сказа́ла Ли́за Кумачо́ва.

— Нет, — сказа́ла учи́тельница.

Ли́за взгляну́ла на неё и уви́дела, что учи́тельница стои́т, закусив гу́бу, и что глаза́ у неё ста́ли му́тные и что она́ тяжело́ и порывисто ды́шит.

— Морóзова, не на́до, — сказа́ла она́ и погла́дила нóвенькую по голове́.

В э́то вре́мя за стено́й зазвенёл звоно́к, и учи́тельница, ни сло́ва не сказа́в, поверну́лась, прошла́ к своему́ столу́, взяла́ портфе́ль и бы́стро вы́шла из кла́сса.

Нóвенькую со всех сторо́н окружи́ли. Ста́ли её уговари́вать, успокаи́вать. Кто́-то побежа́л в коридо́р за водо́й, и, когда́ она́, стуча́ зубами́, сде́лала не́сколько глотко́в из жестяно́й кру́жки, она́ успоко́илась немно́жко и да́же сказа́ла спáсибо́ тому́, кто ей принёс во́ду.

— Морóзова, что ты? Что с тобой? — спра́шивали вокру́г.

Нóвенькая не отвеча́ла, всхли́пывала, глота́ла слёзы.

— Да что с тобой? — не отставали ребята, наседа́я со всех сторо́н на па́рту.

— Ребя́та, уйди́те, — отга́лкивала их Ли́за Кума́чова. — Ну как вам не сты́дно! Ма́ло ли... Мо́жет быть, у неё кто-нибу́дь у́мер...

Эти слова́ подействовали на ребят и на но́венькую. Но́венькая о́пять повали́лась ли́цом на па́рту и ещё го́лоснее запла́кала, а ребята смути́лись, замолча́ли и ста́ли понемно́гу расходиться́.

Когда́ по́сле звонка́ Елиза́вета Ива́новна снова́ появи́лась в кла́ссе, Морóзова уже́ не всхли́пывала, то́лько и́зредка шы́гала но́сом и сжима́ла в руке́ ма́ленький, про́мокший до послéдней ни́точки плато́к.

Учи́тельница ей ниче́го бо́льше не сказа́ла и сра́зу же присту́пила к уро́ку.

Вме́сте со всем кла́ссом но́венькая писа́ла дикто́вку. Собира́я тетра́ди, Елиза́вета Ива́новна остано́вилась о́коло её па́рты и негро́мко спроси́ла:

— Ну как, Морóзова?

— Хорошо́, — пробурча́ла но́венькая.

— Мо́жет быть, тебе́ лу́чше все́-таки пойти́ домо́й?

— Нет, — сказа́ла Морóзова и отверну́лась.

Бо́льше за весь день Елиза́вета Ива́новна к ней не обра́щалась и не вызы́вала её ни на ру́сском, ни на арифме́тике. Товари́щи то́же оста́вили её в покое́. В конце́ концов, что тут тако́го о́собенно интере́сного в том, что ма́ленькая де́вочка запла́кала на уро́ке? О ней про́сто забы́ли. То́лько

Ліза Кумачова почти каждую минуту спрашивала у неё, как она себя чувствует, и новенькая или говорила ей спасибо, или ничего не отвечала, а только кивала головой.

Кое-как досидела она до конца уроков, и не успел отзвенеть последний звонок, как она торопливо собрала свои книжки и тетрадки, затянула их ремешком и побежала к выходу.

У вешалки, постукивая номерком о прилавок, уже стоял Володька Бессонов.

— Вы знаете, нянечка, — говорил он, — у нас в классе новенькая. Её зовут Морозова. Она с Украины приехала. Белобрысая такая... Вот она! — сказал он, увидев Морозову. Потом он посмотрел на девочку, сморщил нос и сказал: — Что, плакса-вакса, не удалось обскакать? Я всё-таки первый ухажу. Да-с...

Новенькая посмотрела на него с удивлением, а он прищёлкнул языком, повернулся на каблуках и стал натягивать пальто — как-то по-особенному всовывая руки в оба рукава сразу.

Из-за Володьки новенькой не удалось уйти незамеченной из школы. Пока она одевалась, в раздевалку набился народ.

Застегивая на ходу своё коротенькое пальтецо с белым заячьим воротником, она вышла на улицу. Почти следом за ней выбежала на улицу Лиза Кумачова.

— Морозова, тебе в какую сторону? — сказала она.

— Мне сюда, — показáла налѣво нѡвенькая.

— Ой, по путѣ, знáчит, — сказа́ла Лѣза, хотѣ итти ей нѹжно бѣло совсѣм в другѹю стѡрону. Прѡсто ей ѡчень хотѣлось поговорѣть с нѡвенькой. — Ты на какѡй ѹлице живѣшь? — спросѣла онá, когдá онѣ дошли до угла.

— А что? — спросѣла нѡвенькая.

— Ничегѡ... Прѡсто так.

— На Кѡвенском, — сказа́ла нѡвенькая и зашагáла быстрѣе.

Лѣза ѣле-ѣле поспевáла за ней. Ей ѡчень хотѣлось как слѣдует расспросѣть нѡвенькую, но онá не знáла, с чегѡ начáть.

— Пра́вда, Елиза́вета Ива́новна хоро́шенькая? — сказа́-
ла она́.

— Ниче́го, — пожа́ла плеча́ми но́венькая.

Здесь, на у́лице, в своём лёгком пальтишке она́ каза́лась ещё ме́ньше, чем в кла́ссе. Нос и всё лицо́ у неё на моро́зе стра́шно покрасне́ли. Ли́за реши́ла, что лу́чше всего́ загово́рить для нача́ла о пого́де.

— У вас там, на Украи́не, что — тепле́е и́ли холо́днее? — сказа́ла она́.

— Тепле́й немно́жко, — сказа́ла но́венькая.

Вдруг она́ убави́ла шаг, посмотре́ла на свою́ спутни́цу и сказа́ла:

— Скажи́, э́то о́чень глупо́, что я так реве́ла сего́дня в кла́ссе?

— Ну, почему́? — пожа́ла плеча́ми Ли́за. — У нас то́же де́вочки пла́чут... А ты почему́ пла́кала, что у тебя́ случи́лось, а?

Она́ ду́мала почему́-то, что но́венькая ей не отве́тит. Но та посмотре́ла на Ли́зу и сказа́ла:

— У меня́ па́па пропа́л.

Ли́за да́же остано́вилась от уди́вленья.

— Как пропа́л? — сказа́ла она́.

— Он ле́тчик, — сказа́ла но́венькая.

— А где он — там у вас пропа́л?

— Нет, здесь, на э́том фро́нте...

Ли́за откры́ла рот.

— Он что у тебя́ — на войне́?

— Ну да, конечно, — сказала новенькая.

Лиза посмотрела на неё и увидела, что у неё в глазах опять блестят слёзы.

— Чего ж ты молчала, не говорила?

— А что ж говорить? Сейчас у многих — у кого брат, у кого отец на фронте.

— А как же он пропал? — сказала Лиза.

— Ну, как вообще на войне пропадают... Улетел, и никто не знает, что с ним. Полтора месяца от него писем не было.

— Может быть, некогда ему? — неуверенно сказала Лиза.

— Ему и всегда некогда, — сказала новенькая. — А он всё-таки в сентябре оттуда восемь листиков прислал.

— Да, — покачала головой Лиза. — А вы когда, давно сюда приехали?

— Мы сразу вместе с ним приехали, как только война началась — на третий день. Его командиром эскадрильи назначили.

— И мама твоя приехала?

— Конечно.

— Ох, наверно, она тоже волнуется? — сказала Лиза. — Плачет, наверно, да?

— Нет, — сказала новенькая. — Моя мама умеет не плакать...

Она посмотрела на Лизу, сквозь слёзы усмехнулась и сказала:

— А я вот не умею...

Лі́за хоте́ла сказа́ть ей что-нибу́дь хоро́шее, тёплое, утеші́тельное, но в э́ту ми́нуту но́венькая остано́вилась и протяну́ла ей ру́ку:

— Ну, до свиданья! Тепе́рь я одна́ пойду́.

— Почему́? — удиви́лась Лі́за. — Э́то ж ещё́ не Ко́венский. Я тебя́ провожу́.

— Нет, нет, — сказа́ла но́венькая и, торопли́во пожа́в Лі́зину ру́ку, побежа́ла да́льше одна́.

Лі́за ви́дела, как она́ сверну́ла за́ угол, в Ко́венский переу́лок. Из любопы́тства Лі́за дошла́ до угла́, но когда́ она́ загляну́ла в переу́лок, но́венькой там уже́ не́ было.

* * *

На сле́дующее у́тро Ва́ля Моро́зова пришла́ в класс о́чень по́здно, пе́ред са́мым звонко́м. Когда́ она́ появи́лась в кла́ссе, там сра́зу ста́ло о́чень ти́хо, хотя́ за ми́нуту до э́того там стоя́л тако́й шум, что в о́кнах звене́ли стёкла, а мёртвые ба́бочки в кла́ссной коллѐкции шевели́ли кры́лышками, как живы́е. По тому́, как уча́стливо и жа́лостливо все на неё посмотре́ли, но́венькая поняла́, что Лі́за Кумачо́ва уже́ успе́ла расска́зать о вче́рашнем их разгово́ре на у́лице. Она́ покрасне́ла, смути́лась, пробормота́ла: «Здра́вствуйте», и весь класс, как оди́н челове́к, отве́тил ей:

— Здра́вствуй, Моро́зова!

Ребятам, конечно, было очень интересно узнать, что у неё слышно нового и нет ли известий от отца, но никто не спросил у неё об этом, и только Лиза Кумачова, когда новенькая уселась рядом с ней на парту, негромко сказала:

— Что, нет?

Морозова покачала головой и глубоко вздохнула.

За ночь она ещё больше осунулась и похудела, но, как и вчера, жиденькие белокурые косички её были тщательно заплетены, и в каждой из них болтался зелёный шелковый бантик.

Когда зазвенел звонок, к парте, где сидели Морозова и Кумачова, подошёл Володька Бессонов.

— Здравствуй, Морозова! С добрым утром! — сказал он. — Сегодня погода хорошая. Двадцать два градуса только. А вчера двадцать девять было.

— Да, — сказала Морозова.

Володька постоял, помолчал, почесал затылок и сказал:

— А что, интересно, на Украине снег бывает?

— Бывает.

— Больше, чем у нас?

— Поменьше.

— Интересно, — сказал Володька, покачивая головой. Потом он ещё помолчал и сказал:

— А как, интересно, будет по-украински собака? А?

— А что? — сказала Морозова. — Так и будет: собака.

— Гм, — сказа́л Воло́дька. Потóм он вдруг тяжело́ вздохну́л, покрасне́л, шмыгну́л но́сом и пробормота́л: — Ты... э́то... как его́... не сердя́сь, что я тебя́ вчера́ пла́ксо-ва́ксо́й назва́л.

Но́венькая улыбу́лась и ниче́го не отве́тила. А Воло́дька ещё раз шмыгну́л но́сом, поверну́лся на каблукé и отпра́вился к своёй па́рте. Че́рез мину́ту Моро́зова услы́шала его́ звóнкий, захлёбывающийся го́лос:

— Ребя́та, вы зна́ете, как по-укра́ински бу́дет соба́ка? Не зна́ете? А я зна́ю...

— Ну, как же, интере́сно, бу́дет по-укра́ински соба́ка?

Воло́дька огляну́лся. В дверя́х с портфе́лем подмышкой сто́яла Елиза́вета Ива́новна.

— Соба́ка — соба́ка и бу́дет, Елиза́вета Ива́новна, — сказа́л Воло́дька, поднимáясь вме́сте с други́ми навстре́чу учи́тельнице.

— Ах, вот как! — улыбу́лась Елиза́вета Ива́новна. — А я ду́мала, как-нибу́дь поинтере́снее. Здра́вствуйте, това́рищи! Садя́тесь, пожа́луйста.

Она́ положи́ла на сто́лик портфе́ль, попра́вила на заты́лке во́лосы и о́пять улыбу́лась.

— Ну, как пожива́ют на́ши уро́ки?

— Ниче́го, Елиза́вета Ива́новна, спса́сибо! Жи́вы-здоро́вы! — закрича́л Воло́дька.

— А э́то мы сейча́с уви́дим, — сказа́ла учи́тельница, раскрывáя кла́ссный журна́л.

Взгляд её пробежал по списку учеников. Все, кто не очень уверенно чувствовал себя в этот день в арифметике, съёжились и насторожились, только Володька Бессонов нетерпеливо подпрыгивал на своей задней парте, мечтая, как видно, что его и тут вызовут первым.

— Морозова, к доске! — сказала учительница.

Почему-то по классу пробежал шопот. Всем показалось, наверно, что это не очень-то хорошо, что вызывают Морозову. Можно было бы сегодня её не беспокоить.

— Отвечать можешь? — спросила у новенькой учительница. — Уроки выучила?

— Выучила. Могу, — чуть слышно ответила Морозова и пошла к доске.

Отвечала она урок очень плохо, путалась и сбивалась, и Елизавета Ивановна несколько раз обращалась за помощью к другим и всё-таки не отпускала её и держала у доски, хотя все видели, что новенькая еле стоит на ногах и что мел у неё в руке дрожит, а цифры на доске прыгают и не хотят стоять прямо.

Лиза Кумачова готова была расплакаться. Она не могла спокойно смотреть, как бедная Валя Морозова в десятый раз выписывает на доске неправильное решение, стирает его и пишет снова, и опять стирает, и опять пишет. А Елизавета Ивановна смотрит на неё, качает головой и говорит:

— Нет, неправильно. Опять неправильно.

«Ах, — думала Лиза, — если бы Елизавета Иванов-

на зна́ла! Е́сли бы она́ зна́ла, как тяжело́ сейча́с Ва́ле! Она́ бы отпу́стила её. Она́ бы не ста́ла её му́чить».

Ей хоте́лось вскочи́ть и закрича́ть:

«Елиза́вета Ива́новна! Хва́тит! Дово́льно!..»

Наконе́ц но́венькой удало́сь написа́ть пра́вильное реше́ние. Учи́тельница отпу́стила её и поста́вила в журна́ле отме́тку.

— Тепе́рь попро́сим к доске́ Бессо́нова, — сказа́ла она́.

— Так и зна́л! — закрича́л Воло́дька, вылеза́я из-за своёй па́рты.

— А уро́к ты зна́ешь? — сказа́ла учи́тельница. — Зада́чи реши́л? Не тру́дно бы́ло?

— Хе! Ле́гче пу́ха и пера́, — сказа́л Воло́дька, подхо́дя к доске́. — Я, вы зна́ете, за де́сять мину́т все во́семь шту́чек реши́л.

Елиза́вета Ива́новна да́ла ему́ зада́чу на э́то же пра́вило. Воло́дька взял мел и задума́лся. Так он ду́мал мину́т пять, е́сли не бо́льше. Он верте́л в па́льцах огры́зок ме́ла, писа́л в уголке́ доски́ ка́кие-то ма́ленькие ци́фры, стира́л их, чesáл нос, чesáл заты́лок.

— Ну как же? — не выде́ржала наконё́ц Елиза́вета Ива́новна.

— Мину́точку, — сказа́л Воло́дька. — Мину́точку... я сейча́с. Как же э́то?..

— Садис́ь, Бессо́нов, — сказа́ла учи́тельница.

Воло́дька положи́л мел и, ни сло́ва не говоря́, верну́лся на своё ме́сто.

— Видели? — обратился он к ребятам. — Каких-нибудь пять минуток у доски постоял и целую двойку заработал!

— Да, да, — сказала Елизавета Ивановна, оторвавшись от журнала. — Одним словом, легче пуха и пера.

Ребята долго смеялись над Володькой. Смеялись и Елизавета Ивановна и сам Володька. И даже новенькая улыбалась, но видно было, что ей не смешно, что улыбается она только из вежливости, за компанию, а на самом деле ей не смеяться, а плакать хочется. И, взглянув на неё, Лиза Кумачова поняла это и первая перестала смеяться.

В перемену несколько девочек собрались в коридоре, у кипяточного бака.

— Вы знаете, девочки, — сказала Лиза Кумачова, — я хочу поговорить с Елизаветой Ивановной. Надо ей рассказать про новенькую... чтобы она с ней не так строго. Ведь она не знает, что у Морозовой такое несчастье.

— Пойдёмте поговорим с ней, — предложила Шмулинская.

И девочки гурьбой побежали в учительскую.

В учительской несколько педагогов, громко разговаривая, стояли перед большой картой Европы.

— От Лондона до Берлина всего полтора летних часов, — говорил высокий и худой учитель географии Фамусов.

— А до Гамбурга? Скажите, а до Гамбурга? — спра-

шивала у него рыжая Ма́рья Васи́льевна из четвёртого «А».

Ли́за Кумачо́ва громко ка́шлянула.

— Вам что, ребята? — спросила Ма́рья Васи́льевна, оторва́вшись от ка́рты.

— Елиза́веты Ива́новны тут нет? — спроси́ли де́вочки.

Учи́тельница перегляну́лась с други́ми и показа́ла голово́й на сосе́дную ко́мнату.

— Елиза́вета Ива́новна! — крикнула она́. — Вас де́вочки спра́шивают.

Елиза́вета Ива́новна стоя́ла у окна́. Когда́ Кумачо́ва и други́е вошли́ в ко́мнату, она́ бы́стро поверну́лась, подошла́ к столу́ и склони́лась над гру́дой тетра́док.

— Да? — сказа́ла она́, и де́вочки уви́дели, что она́ то-ропли́во вытира́ет платко́м глаза́. — Что вы хоте́ли? — спроси́ла она́, внима́тельно перели́стывая тетра́дку и что́-то разгля́дывая там.

— Елиза́вета Ива́новна, — сказа́ла, выступая́ вперёд, Ли́за, — мы хоте́ли... это... мы хоте́ли погово́рить относи́тельно Ва́ли Моро́зовой.

— Ну? Что? — сказа́ла учи́тельница и, оторва́вшись от тетра́дки, внима́тельно посмотре́ла на де́вочек.

— Вы зна́ете, — сказа́ла Ли́за, — ведь у неё оте́ц...

— Да, да, де́вочки, — переби́ла её Елиза́вета Ива́новна. — Я зна́ю об это́м. Моро́зова о́чень страда́ет. И это́ хоро́шо, что вы о ней забо́титесь. Не на́до то́лько показыва́ть, что вы её жале́ете, что она́ несча́стнее други́х. Она́

очень слабая, болезненная... в августе у неё был дифтерит. Надо, чтобы она поменьше думала о своём горе. Сейчас о своём думать много нельзя — не время. Ведь у нас, милые мои, самое ценное, самое дорогое в опасности — наша родина. А что касается Вали — будем надеяться, что отец её жив.

Сказав это, она опять склонилась над тетрадкой.

— Елизавета Ивановна, — сказала, засопев, Шмулинская, — а вы почему плачете?

— Да, да! Что с вами, Елизавета Ивановна? — сказали, окружив учительницу, остальные девочки.

— Я? — повернулась к ним учительница. — Да что с вами, голубушки? Я не плачу. Это вам показалось. Это, наверное, с мороза у меня глаза заслезились. И потом — здесь так накурено...

Она помахала рукой около своего лица.

Шмулинская понюхала воздух. В учительской табаком не пахло. Пахло сургучом, чернилами, чем угодно, только не табаком.

В коридоре затрещал звонок.

— Ну, шагом марш! — весело сказала Елизавета Ивановна и стала выталкивать девочек из комнаты.

В коридоре девочки остановились и переглянулись.

— Плакала, — сказала Макарова.

— Ну, факт, что плакала, — сказала Шмулинская. — И не накурено ни чуточки. Я даже воздух понюхала.

— Вы знаете, девочки, — сказала, подумав, Лиза: — я думаю, что у неё тоже какое-нибудь несчастье...

После этого Елизавету Ивановну никогда больше не видели с заплаканными глазами. И в классе, на уроках она всегда была весёлая, шутила, смеялась, а в большую переменку даже играла с ребятами во дворе в снежки.

К Морозовой она относилась так же, как и к остальным ребятам, и отметки ставила строго.

Училась Морозова неровно — то отвечала на «отлично», а то вдруг подряд получала несколько «плохо». И все понимали, что это не потому, что она лентяйка или неспособная, а потому, что, наверно, дома она вчера весь вечер проплакала и мама её, наверно, плакала, и — где уж тут заниматься!

А в классе Морозова тоже больше никогда не плакала. Может быть, это потому, что никто никогда не заговаривал с ней об отце, даже самые любопытные девочки, даже Лиза Кумачова. Да и что было спрашивать? Если бы отец её вдруг нашёлся, она бы и сама, наверно, сказала, да и говорить не надо — по глазам было бы видно.

Только один раз Морозова не выдержала. Это было уже в конце месяца. В школе собирали подарки для посылки бойцам на фронт. После уроков, уже в сумерках, собрались ребята в классе, шили мешочки, набивали их конфетами, яблоками, папиросами. Валя Морозова тоже работала вместе со всеми. И вот тут, когда она зашивала один из мешочков, она заплакала. И несколько слезинок

ка́кнуло на э́тот паруси́новый мешо́к. И все э́то уви́дели и по́няли, что, на́вѣрно, в э́ту мину́ту она́ подумала об отце́. Но никто́ ей ничего́ не сказа́л. И ско́ро она́ переста́ла пла́кать.

А на друго́й день Морозова не пришла́ в шко́лу. Всегда́ она́ приходи́ла одної́ из пе́рвых, а тут уже́ прозвенѣл зво́нок, и все рассѣлись по своимъ мѣста́м, и уже́ Елизавета Ива́новна показа́лась в дверяхъ, а её всё не́ было.

Учи́тельница, как всегда́, привѣтливо поздоровалась с кла́ссом, се́ла за сто́лик и приняла́сь перели́стывать журна́л.

— Елизавета́ Ива́новна, — крикнула с мѣста Ли́за Кума́рова, — вы зна́ете, почему́-то Морозовой нет!

Учи́тельница оторвала́сь от журна́ла.

— Морозова сего́дня не придетъ, — сказа́ла она́.

— Как не придетъ? Почему́ не придетъ? — слы́шалось со всехъ сторо́н.

— Морозова заболѣла, — сказа́ла Елизавета́ Ива́новна.

— А что? Отку́да вы зна́ете? Что, ра́зве ма́ма её приходи́ла?

— Да, — сказа́ла Елизавета́ Ива́новна. — Приходи́ла ма́ма.

— Елизавета́ Ива́новна, — закрича́л Воло́дька Бессо́нов, — мо́жет быть, у неё оте́ц нашѣлся?

— Нет, — покача́ла голово́й Елизавета́ Ива́новна и срáзу же загляну́ла в журна́л, захло́пнула его́ и сказа́ла: — Ба́ринову Тама́ру прошу́ к доске́.

...На друго́й день Морóзова то́же не пришлá. Лíза Кумачóва и ещё нéсколько дéвочек решíли пóсле уро́ков пойти́ её провёдать. В большúю перемену́ они́ подошли́ в коридóре к учíteльнице и сказа́ли, что хоте́ли бы навести́ть больну́ю Морóзову, нельзя́ ли узнать её áдрес.

Елизаветá Ива́новна подумала мину́тку и сказа́ла:

— Нет, дéвочки. У Морóзовой, ка́жется, анги́на, а это опа́сно. Не сто́ит к ней ходи́ть.

И, ничегó бо́льше не сказа́в, пошла́ в учíteльскую.

А слéдующий день был выходно́й.

Наканúне Лíза Кумачóва о́чень до́лго провози́лась с уро́ками, легла́ пóзже всех и собралáсь как слéдует поспáть, часóв до десяти́ или до одíннадцати. Но бы́ло ещё совсе́м темно́, когда́ её разбудил оглуши́тельный звоно́к на кúхне.

В полусне́ она́ слы́шала, как мать открывáет дверь, потóм услы́шала знако́мый го́лос и не срáзу могла́ сообра́зить, чей это́ го́лос.

Захлёбываясь и проглатывая слова́, кто́-то грóмко говори́л на кúхне:

— У нас в клáссе есть дéвочка. Она́ с Украíны при́ехала. Её зову́т Морóзова...

«Что такóе? — подумала Лíза. — Что случи́лось?»

Второпя́х она́ натяну́ла за́дом наперёд пла́тье, суну́ла но́ги в ва́ленки и вы́бежала на кúхню.

Разма́хивая рука́ми, Воло́дька Бессóнов что́-то объяснял Лíзиной ма́ме.

— Бессонов! — окликнула его Лиза.

Володька даже не сказал «с добрым утром».

— Кумачова! — кинулся он к Лизе. — Ты не знаешь, как Морозовой отца зовут?

— Нет, — сказала Лиза. — А что такое?

— Он не капитан?

— Не знаю. А что? В чём дело?

Володька прищёлкнул языком, покачал головой.

— Плохо, если не капитан, — сказал он.

— Да что такое? — чуть не закричала Лиза.

— Понимаешь, — сказал Володька, — у меня есть собака. Её зовут Тузик. Я её каждый выходной вожу гулять. Утром.

— Какой Тузик? — ничего не понимая, спросила Лиза.

— Тузик. Собака. Ну, не в этом дело. Одним словом, я её повёл гулять. А на улице радио. И передают указ. Понимаешь? О награждениях бойцов и командиров. Я слушаю и вдруг слышу: «За проявленную доблесть...» и так далее «...присвоить звание Героя Советского Союза командиру эскадрильи, капитану Морозову Ивану...» и какое-то отчество, я только не разобрал, трудное какое-то...

— Командиру эскадрильи? Правда? — сказала Лиза.

— Вот в том-то и дело... Я думаю, может это он? Ведь он лётчик?

— Ну да, конечно, — сказала Лиза. — Ой, как бы узнать, как его зовут?

— Я ж тебе́ говорю́ — Ива́н зову́т... забы́л то́лько о́тчество... Фик-ти-ли́с-тович, ка́жется.

— Филимо́нович, мо́жет быть? — сказа́ла Ли́зина ма́ма.

— Нет, — сказа́л Воло́дка. — Фиксти́листович.

— А мо́жет, э́то не он? — сказа́ла Ли́за.

— А вы к э́той Моро́зовой побегите́, — посоветова́ла ма́ть. — Чего́ ж лу́чше-то? Вот и узна́ете.

— Я же её а́дреса не зна́ю! — чуть не пла́ча, сказа́ла Ли́за.

— Как? — испуга́лся Воло́дка. — Не ври! Не знаёшь, где она́ живёт?

— Нет, — сказа́ла Ли́за. — Зна́ю то́лько, что в Ко́венском переу́лке, в пе́рвом и́ли во второ́м до́ме от угла́.

— Эх! — сказа́л Воло́дка. — А я-то, дура́к, бежа́л, да́же Ту́зика на у́лице бро́сил. Я ду́мал, ты знаёшь. Ведь вы же подро́уги...

— Зна́ю то́лько, что в Ко́венском, — растёрянно повто́рила Ли́за.

— В Ко́венском? — подума́в, переспроси́л Воло́дка. — Говори́шь, второ́й дом от угла́?

— Да. Второ́й... И́ли пе́рвый... И́ли, мо́жет быть, тре́тий...

— Мо́жет быть, два́дцать тре́тий, — сказа́л Воло́дка. — А ну, одева́йся, побежа́ли! Мо́жет, найдём.

Че́рез де́сять мину́т о́ни уже́ бы́ли в Ко́венском переу́лке.

— Под воро́тами есть та́кие до́ски, — говори́л Воло́д-

ка, — деревянны́е. Там напи́сано, где ка́кой жи́лец жи́вет. Будем и́скать Морóзовых.

Они́ обошли́ пять и́ли шесть до́мов, прогляде́ли все до́ски, и ни́где Морóзовых не́ было.

Воло́дка уже́ стал руга́ться и говори́ть, что, наве́рно, Ли́за пута́ет что-нибу́дь и что напрáсно он оста́вил на у́лице Ту́зика.

Он уже́ хоте́л на всё плю́нуть и бежа́ть разы́скивать своего́ Ту́зика, как вдруг Ли́за схвати́ла его́ за́ руку.

— Бессо́нов, смотре́! — сказа́ла она́. — Елиза́вета Ива́новна и́дёт.

Воло́дка посмотре́л и уви́дел, что по у́лице действи́тельно и́дёт Елиза́вета Ива́новна, их учи́тельница. Они́ побежа́ли ей навстре́чу и так разлете́лись, что чуть не сб́или её с ног.

— Елиза́вета Ива́новна, здравствуйте! С до́брым у́тром! — заговори́ли они́ в оди́н го́лос.

Учи́тельница испуганно попя́тилась.

— Здравствуйте, ребята́, — сказа́ла она́.

— Елиза́вета Ива́новна, — не дав ей опомни́ться, заговори́л Воло́дка, — вы не зна́ете случа́йно, где Ва́ля Морóзова жи́вет?

— А что тако́е? — спроси́ла учи́тельница.

— Ой, вы бы зна́ли! — сказа́ла Ли́за. — Нам, пра́мо я сказа́ть не могу́, до чего́ её ну́жно ви́деть!

— Елиза́вета Ива́новна! Вы же зна́ете, наве́рно, — сказа́л Воло́дка.

— Да, — сказа́ла, поду́мав, учи́тельница, — зна́ю. Мо́розова здесь вот, в э́том кирпи́чном до́ме, живёт.

— И кварти́ру зна́ете?

— И кварти́ру зна́ю, — сказа́ла учи́тельница. — А в чём де́ло?

— Вы понима́ете, Елиза́вета Ива́новна, — сказа́ла Ли́за, — у неё, ка́жется, оте́ц нашёлся.

— У ко́го? — сказа́ла учи́тельница.

— У Ва́ли.

И тут ребя́та уви́дели, что Елиза́вета Ива́новна побледне́ла, как снег, и что губы́ у неё заде́ргались — не то она́ хо́чет смея́ться, не то пла́кать.

— Что? — сказа́ла она́. — Что вы говори́те?

Ребя́та, пу́таясь и перебива́я друг дру́га, рассказа́ли ей о том, что передава́ли се́годня́ у́тром по ра́дио.

Когда́ де́ло дошло́ до о́тчества капита́на Моро́зова, Воло́дька о́пять застря́л.

— Фи́ликт... — на́чал он, — или Фи́ликт...

— Феокти́стович, — сказа́ла учи́тельница.

— Пра́вильно! Во-во! — закрича́л Воло́дька. — Феокте́листович!.. Елиза́вета Ива́новна, а отку́да вы зна́ете?

Учи́тельница закры́ла руко́й глаза́.

— Идёмте, — сказа́ла она́. — Идёмте скорей́ к Моро́зовой...

И она́ побежа́ла так бы́стро, что ребя́та едва́ успева́ли за ней, а прохо́жие оста́навливались и смотре́ли ей всле́д.

— Сюда, — сказала она ребятам и свернула в ворота большого кирпичного дома, второго от угла.

— Ну что? Я тебе говорила! — сказала Володьке Лиза.

— Елизавета Ивановна, — сказал Володька, — мы уже тут были. Тут никаких Морозовых нет.

— Идёмте, идёмте, ребята, — сказала Елизавета Ивановна, не останавливаясь.

— Елизавета Ивановна, ведь правда? — сказала Лиза, когда они уже поднимались по чёрной лестнице. — Ведь, может, это и в самом деле Валин отец?

— Да, милая, — сказала Елизавета Ивановна. — Это он. Иван Феоктистович Морозов, капитан, командир эскадрильи. Это Валин отец.

На площадке четвертого этажа учительница остановилась, вынула из сумочки ключ и открыла этим ключом французский замок. Ребята не успели удивиться, как она распахнула дверь и сказала:

— Пожалуйста, милости просим!

В коридоре было темно.

— Осторожно, — сказала Елизавета Ивановна, — здесь сундук.

И хотя она это сказала, Володька всё-таки успел наткнуться на этот сундук. От неожиданности он вскрикнул.

— Мама, это ты? — слышался за дверью тоненький голосок, и ребята узнали голос Вали Морозовой.

— Я, — сказала Елизавета Ивановна, распахнув дверь.

— Что ты так скоро? Уже достала?

— Нет, доченька, — сказала Елизавета Ивановна, — я не достала газету. Но зато посмотри, какую я тебе привела замечательную живую газету!

Валя Морозова лежала в постели. Приподнявшись над подушкой, она испуганно и смущенно смотрела на Володьку и Лизу, которые, не менее смущенные и не менее испуганные, остановились в дверях.

Минуту Валя смотрела на них, потом вдруг вскрикнула и быстро спряталась с головой под одеяло.

Елизавета Ивановна подбежала к её кровати и стала стягивать с неё одеяло.

— Вылезай, вылезай! — сказала она. — Хватит нам прятаться. Горевали мы в одиночку, а радоваться будем вместе...

И она так громко засмеялась, что Валя не выдержала и высунулась из-под одеяла.

— Что? — сказала она.

Елизавета Ивановна опустилась на колени около её кровати и обняла девочку.

— Валечка, папа жив! — сказала она.

Несколько секунд Валя внимательно смотрела на неё, потом уронила голову в подушку и тихо заплакала.

А когда она оторвалась от подушки, ребята увидели, что она уже не плачет, а смеется.

И тут только, когда она засмеялась, и Володька и Лиза вдруг в первый раз заметили, что она очень хорошенькая

и что у неё бѣлые зѹбы и о́чень краси́вые золоти́стые вѹло-
сы, а са́мое гла́вное, что она́, как две ка́пли воды́, похо́жа
на Елиза́вету Ива́новну.

Ребѣ́та уди́вились, хотя́ ниче́го уди́вительного, коне́чно,
в э́том не́ было.

СОДЕРЖАНИЕ

На я́лике	3
Гла́вный инженер	26
Че́стное сло́во	49
Но́венькая	59

~~4672~~
15485

~~29477~~

Государственное издательство детской
литературы Министерства просвещения
РСФСР просит учителей нерусских
школ сообщить свои отзывы о данной
книге по адресу: Москва, Малый Чер-
касский пер., д. 1, Детгиз.

Для начальной школы

Ответственный редактор *Г. Каримова*

Художественный редактор *Б. Дехтерев*

Технический редактор *О. Чеботарева*

Корректоры *М. Зубков* и *Е. Трушкова*

Подписано к печати 19/VI 1947 г. 6 п. л.
(3,2 уч.-изд. л.). 24 000 зн. в п. л.

Тираж 30 000 экз. А06050. Заказ № 485.

Цена 2 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза.

Москва, Суцевский вал, 49.

250.
200 =
Цена 2 р. 50 к.

